

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СНЯТИЕ КОПИЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Экз.

Ладислас
Фараго

6 суток

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВЕСЬМА СРОЧНО.

Ладислас Фараго

**История шпионажа времен
второй Мировой войны**

«Центрполиграф»

1978

УДК 94(0)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

Фараго Л.

История шпионажа времен второй Мировой войны / Л. Фараго —
«Центрполиграф», 1978

ISBN 978-5-9524-5340-1

Ладислас Фараго, бывший начальник отдела исследований и планирования в специальном военном подразделении ВМС США, автор нескольких книг по шпионажу, предлагает захватывающую картину всего спектра тайной деятельности, различных форм разведки секретных служб стран – участниц Второй мировой войны. Результатом действий агентов спецслужб, проводивших разведывательные операции, были победы или поражения, которые часто играли не менее важную роль, чем достигнутые на поле боя. В своем исследовании Фараго анализирует не только фактические события, но и мотивы и поступки людей, которые принимали в них участие. Здесь представлена галерея портретов фигурантов разного уровня и значения, среди них первые лица государств, знаменитые разведчики и никому не известные герои.

УДК 94(0)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5340-1

© Фараго Л., 1978

© Центрполиграф, 1978

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Операция «Мясные консервы»	8
Глава 2	13
«Лис» в своем логовище	13
Глава 3	19
Канарис прокладывает путь	19
Глава 4	24
Застой в союзническом лагере	24
Глава 5	30
Троянские кони	30
Глава 6	37
Сети, радиоигры и подлодки	37
Глава 7	42
Солома на северном ветру	42
Глава 8	48
Финал сражения за Европу	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ладислас Фараго

История шпионажа времен Второй мировой войны

Ladislav Farago

BURN AFTER READING
THE ESPIONAGE HISTORY OF WORLD WAR II

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Шпионаж играл заметную и нередко весьма запоминающуюся роль в каждой войне, но лишь в период Второй мировой войны он обрел статус своего рода «Четвертого сословия». Характер и размах этого ожесточенного конфликта породил особый вид войск, тайно сражавшихся в тылу и на своих собственных фронтах.

Думаю, не требует пояснений, что я использую слово «шпионаж» в универсальном смысле. Если эта книга – история шпионажа времен Второй мировой войны, то по логике вещей она включает в себя и планы тайных операций, и различные формы разведывательной деятельности, шпионажа и саботажа, подрывной и контрразведывательной деятельности, описание засекреченных баталлий, проводившихся параллельно с обычными боевыми операциями современной войны.

Шпионаж осуществлялся обеими сторонами, но лишь союзники придали этому виду деятельности истинный размах. Вполне объяснимо – в оккупированных неприятелем странах Европы и Азии он был и оставался единственной возможностью угнетаемых бросить вызов угнетателям и в итоге обречь их на поражение. Это был стихийный бунт, зародившийся в душах оказавшихся под вражеским игом людей, объясняемый их стойким стремлением к свободе, даровавшим весьма сомнительным занятиям ауру благопристойности, оправдывавшим и убийства, и другие преступления.

Это была всего лишь видимая часть большой войны, однако даже эта часть сама по себе заслуживает полное право считаться отдельной войной. Более не существующий на этом свете дуче вряд ли преуспел как надлежащий авторитет в решении каких-либо вопросов, за исключением разве что военных. В своем отношении к войне этот субъект предельно прозрачен и не обнаруживает и тени лицемерия. Муссолини однажды заявил, что, дескать, только война доводит энергию человека до возможного максимума и отмечает печатью святости народы, которые имеют мужество сражаться. Нет войны более благородной, чем отпор миллионов тирании.

Именно секретная составляющая Второй мировой войны и побудила меня написать эту книгу. Для изучающего шпионаж историка немецкий шпион, исполняющий явно преступные приказы во благо своей державы, как объект исследования равнозначен любому американскому агенту, добывающему сведения для своей страны. Хотя все же применительно ко Второй мировой войне существуют свои оговорки, и даже до педантизма объективный историк обязан признавать их. Мне лично эту мысль привил генерал Колин Маквин Габбинс, начальник британского Управления специальных операций. Он писал: «Отпор, который мы были вынуждены давать все эти долгие и мрачные годы на оккупированных территориях гестапо, коллаборационистам Квислинга и секретным службам Японии, был настоящей войной со всеми присущими ей страданиями, смертями и даже пытками... И находились тысячи и тысячи тех, кто выполнил свою задачу, тех, для кого самым главным в жизни было сохранение нерушимости боевого духа. Они целиком отдали себя делу, которое считали высшей целью».

Но даже невзирая на это, у меня все же остаются определенные сомнения. У того, кто в течение многих лет столь же серьезно, как я, посвящал себя и захватывающей, и в то же время требовавшей огромной эмоциональной нагрузки деятельности, не может не выработаться определенной точки зрения, и я, признаюсь, на самом деле не свободен от некоторой доли предвзятости. С одной стороны, отчасти мое отношение к этой работе можно было охарактеризовать как умеренно презрительное. Здесь весьма кстати процитировать Вергилия, предупреждавшего, что все зло подпитывается тайной. Большая часть работы здорово отдавала ребячеством, как если бы взрослый мужчина ни с того ни с сего ударился в мальчишество; она представлялась неким несерьезным времяпрепровождением, к которому человек взрослый и не без гордости осознающий свою вполне сформировавшуюся взрослость неизбежно отнесся

бы с иронией. С другой стороны, у меня не хватало духу без обиняков окрестить эту работу заведомым обманом. Известны случаи, когда то, что замышлялось как игра, некое надувательство, временное и не очень серьезное, нередко дорастало до фактора огромной разрушительной мощи, и тем, кто воплощал его на практике, всю жизнь потом приходилось расплачиваться необратимыми психическими травмами.

Я и не пытался полностью исключить эту предвзятость со страниц данной книги. В отличие от части писателей я не ставлю целью живописать шпионаж с избыточным пиететом; упомянутые авторы слишком уж много внимания уделяют героике игры, не замечая при этом ее театральной надуманности. Хочется верить, что читатель не осудит меня, если я, описывая явления по данной теме, воздержусь как от мелодраматизма, так и от некритичного восхваления шпионских деяний, а, скорее, попытаюсь придерживаться золотой середины, не забывая при этом и о чувстве меры.

Ввиду нехватности масштабов этой тайной борьбы любое повествование о ней обречено на неполноту и не всегда убедительно. И это повествование – не исключение. Стараясь представить более сдержанную картину, я ограничился выборочным описанием событий и самой темы. Сожалею, что из-за ограниченности объема будущей книги я не имел возможности описать деятельность некоторых движений Сопротивления, в частности партизанскую войну на Филиппинах. Я сознательно опустил уже достаточно хорошо известные инциденты, такие как похищения «человека, которого не было» и случай с Тайлером Кентом. Несколько получивших широкую огласку операций, как, например, проникновение на базу в Скапа-Флоу подводной лодки, якобы проведенной туда шпионом, также опущены, ибо никогда не происходили¹. Уверен, что те, кто изучает этот аспект, обнаружат достаточно упущений. Заранее приношу извинения за любые возможные огрехи и недостатки и в свое оправдание могу лишь сослаться на очевидные сложности при получении сведений по столь непростой и запутанной теме, как шпионаж.

Считаю своим долгом выразить благодарность моему другу и коллеге Джею Нельсону Таку за неоценимую и самоотверженную помощь в редактировании рукописи, представлявшей бесформенное нагромождение документов, и превращении ее в упорядоченную книгу. Работа Джея Нельсона Така над моей рукописью далеко выходила за пределы обычной редакторской задачи. Если данная книга и заслуживает похвалы, это в огромной степени достижение редактора.

Если сам автор книги сознательно воздерживается от всякого рода выводов, излагаемые им в ней факты – спроецированные на гигантский экран истории – все же могут послужить своего рода прагматическими уроками. Акцент сделан на фактах. Они, по выражению Уинстона Черчилля, несравненно ценнее иллюзий и домыслов.

¹ Немецкая подводная лодка капитан-лейтенанта Прина, 14 октября 1939 г. проникшая в военно-морскую базу англичан Скапа-Флоу и потопившая линкор «Ройал Оук», действительно обошлась без помощи каких-либо шпионов. – *Здесь и далее примем, ред.*

Глава 1

Операция «Мясные консервы»

Той душной ночью 10 августа 1939 года едва ли кто-нибудь из прохожих нарушил ночное спокойствие почтенной берлинской Кайзер-Вильгельмштрассе, пока незадолго до полуночи быстрые шаги в тяжелой обуви пугающим эхом отдались в тишине этой знаменитой улицы. Охрана у внушительного серого здания Имперского министерства авиации заметила торопливо прошедшего мимо рослого мужчину. Поскольку на незнакомце была черная форма офицера общих СС, молодой часовой приветствовал его, вскинув на караул карабин и вытянувшись, проводил его взглядом до самого угла, пока эсэсовец не свернул на Принц-Альбрехтштрассе, где располагались здания, в которых размещались центральные органы гестапо – тайной государственной полиции, шефом которой стал Рейнхард Гейдрих.

Охранники в вестибюле при виде вошедшего шелкнули каблуками и выбросили вперед правую руку, сопроводив церемонию нацистского приветствия возгласом «Хайль Гитлер!». Небрежно отсалютовав в ответ, поздний визитер стал подниматься по лестнице, направляясь прямо в приемную Гейдриха.

Этим нарушителем спокойствия в здании на Кайзер-Вильгельмштрассе был тихий и спокойный на вид человек, один из головорезов гестапо Альфред Гельмут Науйокс. Будучи безмозглым орудием в руках мастера, этот бандит даже запахом весьма напоминал героя «Безволосого мексиканца» Сомерсета Моэма – высокий, дородный, ширококостный, с гладкой кожей и грубым лицом, украшенным шрамом на лбу, светловолосый и с несуразно большими и усыпанными розовыми веснушками руками. Науйокс был человеком с именем в гейдриховском братстве убийц, один только намек на которых вселял страх в души немцев. Он принадлежал к новой касте тайных агентов, негласные операции которых придавали древней войне шпионажа дух бандитизма.

Было десять минут первого ночи, когда Науйокс вошел в просторный, безлико меблированный кабинет Гейдриха. Жестом пригласив его сесть, Гейдрих изложил ему предстоящую миссию, которой, по-видимому, было суждено стать главной в послужном списке Науйокса, да и в его жизни в целом.

– Я собираюсь поручить вам, – необычно высоким голосом заговорил группенфюрер СС, – совершенно секретное задание, являющееся вопросом государственной важности рейха, и не считаю необходимым напоминать вам о том, что данная операция должна быть проведена с предельной осмотрительностью.

Науйокс кивнул, и Гейдрих продолжал:

– Фюрер решил раз и навсегда разрешить данцигский вопрос и разгромить Польшу. И день «Х» и час «У» уже установлены. Все подготовлено – кроме предлога для войны. Он пока что не избран. Но мы изыщем его для фюрера, мы с вами, мой уважаемый Науйокс! Именно нам предстоит создать повод для этой войны! Германия начнет Польскую кампанию без формального объявления войны, с внезапной атаки, заявив всему миру о том, что именно поляки сделали первый выстрел. Но этого мало. Нам необходимо неоспоримое практическое доказательство, весомые улики, которые Геббельс сможет потом предъявить зарубежной прессе.

Перед тем как перейти к сути дела, Гейдрих сделал мелодраматическую паузу.

– Мы искусственно спровоцируем серию пограничных конфликтов и заставим поверить всех в то, что нападавшие были поляками.

Подойдя к висевшей на стене карте, группенфюрер указал на отмеченные на ней населенные пункты и участки на территории восточной части Германии.

– Инциденты должны произойти вот здесь, – пояснил он, – в районе Глейвица² в Верхней Силезии, и вот здесь, в Питцене под Кройцбургом³, а также в Хохлиндене под Ратибором⁴, ну и в самом Глейвице. Мы переоденем пару сотен наших солдат в польское обмундирование и прикажем им обстрелять территорию рейха, поджечь несколько наших домов, в общем, в течение нескольких часов сеять панику среди немецкого населения.

Его костлявый указательный палец остановился на одной из точек на карте.

– Вот здесь в Глейвице, – продолжал он, – расположена наша радиостанция. Вашей задачей будет подготовить инцидент там. Партайгеноссе Мюллер несет прямую ответственность за перечисленные операции. От него вы получите все необходимые детальные разъяснения. Найдете его или в Глейвице, или в Оппельне⁵. Доложите ему о прибытии, когда доберетесь туда. Желаю удачи!

Науйокс впервые за все время инструктажа раскрыл рот.

– Благодарю, группенфюрер, за оказанное доверие. Хайль Гитлер! – произнес он в ответ. Поднявшись, Науйокс щелкнул каблуками и вышел из кабинета Гейдриха.

«Партайгеноссе Мюллером» был не кто иной, как Генрих Мюллер, шеф гестапо, один из подчиненных Гейдриха. Науйокс нашел его в Оппельне, где обер-гестаповец был занят тайной подготовкой предстоящих операций. Когда Науйокс прибыл, Мюллер созвал на совещание своих заместителей и дал каждому из них соответствующие инструкции. Головорез по имени Мельхорн должен был направить в район Питцена около 100 нацистов, переодетых в форму польских регулярных войск. Другому прислужнику, по имени Лангханс, предстояло организовать и провести штурм здания таможни в Хохлиндене. Науйокса Мюллер ознакомил с деталями нападения на радиостанцию в Глейвице.

– Выберите себе шестерых заслуживающих доверия сотрудников СД и переоденете их в польскую форму. В назначенное время атакуете радиостанцию и захватите ее. Долго удерживать здание нет необходимости – 5—10 минут, не больше, самое главное, чтобы в эти минуты уложился тот из вашей группы, кому предстоит зачитать на польском языке антигерманское обращение к полякам.

Мюллер продолжал:

– Здесь у меня в Оппельне, в тюрьме гестапо, найдется с десяток заключенных из концентрационных лагерей. Мы используем их для придания инцидентам убедительности. Мы тоже переоденем их в польскую форму, а потом оставим их лежать, как будто они погибли в ходе нападения. Им будут сделаны смертельные инъекции, и, кроме того, на их телах впоследствии поляки обнаружат и огнестрельные ранения. После инцидентов мы предъявим трупы зарубежным корреспондентам, представителям прессы, которых Геббельс собирается доставить сюда из Берлина.

Мюллер заверил Науйокса, что выдаст и ему тело одного из этих «поляков», которому тоже будет сделана смертельная инъекция и нанесены огнестрельные ранения.

– Между прочим, – добавил Мюллер, – мы избрали для этих якобы поляков кодовое название – «консервы». А сама операция называется «Мясные консервы». Что же, остроумно.

И Науйокс, и Мюллер рассмеялись, предвкушая столь многообещающее начало.

25 августа Науйокс репетировал нападение со своими подопечными, но пока что без убитых поляков. Он выжидал. В 11:00 31 августа Науйокса позвали к телефону. Звонил Гейдрих из Берлина.

² Ныне Гливице в Польше.

³ Ныне Ключборк в Польше.

⁴ Ныне Гацибуж в Польше.

⁵ Ныне Ополс в Польше.

– Науйо́кс, – сказал он, – жребий брошен. Все начнется завтра в 5:00 утра. Ваша работа должна быть завершена к 20 часам – сегодня вечером. Прямо сейчас звоните Мюллеру и просите об отправке вам одного из своих «мясных консервов».

В 11:10 Науйо́кс позвонил Мюллеру в Оппельн и попросил «поляка». В 19:00 он расставил своих людей по постам около радиостанции, а в 19:30 прибыл автомобиль с «поляком». Заключенному сделали инъекцию, кроме того, на теле его были огнестрельные ранения, а лицо испачкано кровью. Но человек еще дышал. В 19:50 по распоряжению Науйо́кса тело выложили у главного входа на радиостанцию.

Часы показывали 20:00. Науйо́кс взглянул на свои наручные часы и полуравнодушным тоном отдал приказ об атаке. Мгновение спустя шесть человек – его «поляков» – захватили станцию, и якобы «польский агитатор» подошел к включенному микрофону. Он прокричал в эфир, что для поляков настало время отомстить Германии, и обратился ко всем патриотически настроенным полякам с призывом убивать немцев. Пока он говорил, звучали выстрелы – люди Науйо́кса падали в воздух и в лежавшие на полу «мясные консервы», обеспечивая инсценировку соответствующее звуковое сопровождение.

В 20:07 спектакль завершился. Науйо́кс вместе со своими «поляками» расселись по машинам и отбыли в неизвестном направлении. Гитлер получил оправдание для начала войны. Лежавший у входа бывший заключенный концлагеря несомненно был мертв. Он стал первой жертвой Второй мировой войны – в прямом смысле ее Неизвестным Солдатом.

В 5:00 1 сентября 1939 года вермахт пересек границу Польши на трех участках, начав наступление по трем главным направлениям. В те же минуты бомбардировщики люфтваффе нанесли бомбовые удары по Гдыне, Кракову и Катовице.

В 5:11 Гитлер выступил с обращением к вермахту, оправдывавшим нападение. «Ряд нарушений границы, – утверждал он, – терпеть которые великая держава больше не в состоянии, доказывает, что поляки больше не готовы уважать немецкую границу. Чтобы положить конец этому безумству, у меня не остается никаких других средств, кроме ответа силой на силу».

Ровно в 8:00 утра, спустя 12 часов после инцидента в Глейвице, вермахт сумел глубоко вклиниться на территорию Польши. Отныне число жертв конфликта уже не ограничивалось одним лежавшим в нескольких шагах от радиостанции «поляком». В 9:10 в Глейвиц въехал походный госпиталь – двое раненых, один из которых скончался. Первые жертвы среди немцев.

Мир снова находился в состоянии войны.

Для Польши эта война продлилась всего 27 дней. Никогда прежде военная мощь государства не рухнула столь стремительно. Военные эксперты всего мира задавались вопросом: как могло произойти, что страна с населением 32 миллиона человек столь быстро оказалась под пятой оккупантов? Ни один находившийся в здравом уме человек всерьез не предполагал, что польской армии удастся остановить вермахт без помощи извне, но, с другой стороны, все рассчитывали, что поляки окажут достойный отпор агрессорам, победа которым обойдется весьма дорогой ценой.

Сутки спустя после начала Гитлером блицкрига 75 % польских самолетов были уничтожены – большинство из них в ангарах. Нацисты упредили помощь полякам от Великобритании и Франции, разрушив все польские аэродромы, специально оборудованные для приема военной авиации. За первые несколько дней кампании немцы разрушили польские коммуникационные линии и железнодорожные мосты в тылу польских войск. Армейские транспорты, действующие согласно секретным графикам, были атакованы самолетами люфтваффе и выведены из строя еще на терминалах. Центры мобилизации и сборные пункты, по-видимому известные только высшему руководству польского Верховного командования, были обнаружены германской авиацией и уничтожены. Склады боеприпасов и ГСМ были взорваны все до единого. Не уцелел ни один объект военного значения.

Среди самых больших загадок той войны случай в Ленчице был наиболее труднообъясним. Ленчица – город с населением 10 000 человек неподалеку от Лодзи, в глуши, вдали от войсковых путей следования. Казалось, эта провинция для неприятеля интереса не представляет. Гарнизон в Ленчице насчитывал всего лишь 150 солдат и офицеров. Но и их в спешке направили в районы боевых действий, оставив город вообще без военных. И все же подразделение за подразделением стало появляться в этом городке, пока Ленчица не пала трагической жертвой тотальной бомбардировки – согласно статистике на каждое здание пришлось рекордное количество бомб, принимая во внимание размеры этого городка.

Офицеры действующей армии задавали вопрос: почему нацисты не пожалели десятки тонн бомб на такую малозначительную цель? Безумное расточительство, принимая во внимание в целом ограниченный боезапас авиабомб люфтваффе. Шестнадцать воздушных налетов не решили проблему. А семнадцатый послужил ключом к разгадке. Раздался взрыв такой силы, что в радиусе 50 миль от Ленчицы в окнах домов не осталось ни одного целого стекла. Сам город был разрушен до основания. Дело в том, что именно здесь, в провинциальной глуши, поляки разместили гигантский склад боеприпасов, о местонахождении которого знало лишь высшее командование Войска польского.

Как немцы узнали об этом?

Ответ был получен спустя несколько дней после завершения кампании. Группу иностранных журналистов привезли на экскурсию в руины Варшавы. Выделили даже сопровождающего – полковника фон Веделя из отдела по связям с прессой Верховного командования. Его-то и попросили объяснить тайну этого удивительного успеха.

Полковник представил весьма откровенное объяснение, что в целом было не очень типично для людей военных, тем более генштабистов: «Успех был достигнут в результате превосходства германского оружия и германской разведывательной службы».

Шпионаж и анализ полученных сведений играли заметную роль во всех больших войнах истории, но никогда прежде военачальники этого публично не признавали.

Трагедия Ленчицы послужила нагляднейшей иллюстрацией тому, что имел в виду фон Ведель. В течение нескольких предвоенных лет в Ленчице действовал немецкий шпион, в задачу которого входило наблюдение за самым важным военным секретом этого городка. В первый день войны Ленчица числилась среди первоочередных объектов атак люфтваффе. Склад был тщательно и умело замаскирован. Несмотря на радионаведение местного агента, самолеты не сразу нащупали цель, отчего и понадобилось 16 бомбардировок. Но полученные немцами сведения были столь бесспорны, что они решили бомбить Ленчицу в семнадцатый раз, возымевший и для объекта, и для города воистину фатальные последствия.

Надо сказать, подобная обстоятельность преобладала не только в Ленчице. Военные составы, например, не следуют по определенным и всем известным расписаниям, и пункты назначения также известны лишь узкому кругу ответственных лиц. Тем не менее подрывы польских рельсовых путей происходили с поразительной регулярностью и точностью. 5 сентября, например, армейский состав отошел от Центрального вокзала Варшавы, направляясь на фронт. Его засекреченное направление предусматривало прибытие на станцию Прага, на другом берегу Вислы, 15 минут спустя. За несколько минут до прибытия эшелона в Прагу словно ниоткуда появились немецкие самолеты и до основания разбомбили железнодорожную станцию. Состав встал на линии, перекрыв движение поездов. Один-единственный агент, внедренный в аппарат управления начальника станции в Варшаве, воспользовавшись секретным каналом связи, сумел предупредить немцев и таким образом воспрепятствовал прибытию нескольких тысяч польских солдат и офицеров на фронт⁶.

⁶ Имеется в виду фронт к северо-востоку, где немцы развернули стремительное наступление из Восточной Пруссии в южном направлении.

Сомнений нет, очередная страница летописи войн была перевернута. Подозрительный успех сопутствовал вооруженным силам Германии. Секретная миссия штурмбаннфюрера Науйока, предвосхитившая самую большую войну в истории, так или иначе, стала доселе невиданным символом нового типа ведения войны.

Этот только что разразившийся конфликт обладал загадочным, интригующим новым измерением. В чреве его вынашивалась армия совершенно нового типа, организованная заранее для ведения сражений в войне тоже совершенно нового типа.

Это была армия шпионов.

Безусловно, испокон веку во всей писаной истории шпионы играли важную роль: и в дипломатии, и уже в ходе войны, но никогда прежде как в ходе этой.

Непосредственно перед началом Второй мировой войны американский историк секретной службы подсчитал численность шпионов в мире. И при этом обнаружил, что белых пятен на карте практически не осталось. Земной шар целиком был испещрен тайными явками, резидентурами разведок, тайными агентами, роковыми женщинами, конфиденциальными осведомителями, стихийными информантами и полицейскими шпииками.

Весьма примечательный прирост, в особенности принимая во внимание тот факт, что шпионаж отнюдь не принадлежит к видам деятельности, шагающим в ногу с увеличением численности человечества и прогрессом цивилизации. Безмятежные времена шпионажа, как казалось некоторым, миновали навсегда. На самом же деле они только начинались.

Глава 2

«Лис» в своем логовище

31 августа 1939 года вермахт, участвовавший в кампании в Польше, буквально лопался от нетерпения. Но в безликом, безвкусно обставленном берлинском кабинете тщедушный, болезненного вида человек с белоснежными волосами расслабленно откинулся на спинку кресла. Для Вильгельма Канариса это внезапное начало войны было своего рода отдохновением – пик интенсивной деятельности миновал. Он долго и упорно работал, прокладывая путь к нему: а теперь сражения, которые вермахту предстояло выиграть или проиграть, уже не в его власти. Он со своими сотрудниками вел собственную тайную войну со всей возможной решительностью и редкостным мастерством. Хотя победу в некоторых схватках пришлось все же уступить, но большинство сражений они выиграли. И теперь уже не сомневались, что выиграют и войну.

Кем был этот человек, этот великий полководец и мозг огромной подпольной армии? Разумеется, самым известным предводителем шпионов всех мастей периода Второй мировой войны. Канарис был и одним из ее самых спорных персонажей. Редко, писал один бывший высокопоставленный чин германской секретной службы, встречаются столь заметные в истории фигуры, оценки которых столь разнятся, как внешне незаметный, немногословный, несколько эксцентричный адмирал Вильгельм Канарис, руководитель германской военной разведки.

Враги Канариса расценивают его как не знавшего мук совести организатора самых гнусных преступлений гитлеровского режима. Его друзья восхваляют адмирала как духовного лидера умилительно-трогательного антинацистского движения, человека, который принял мученическую смерть за бесстрашие и убеждения. Есть и такие, кто заклеил его как предателя, чья измена вермахту в самый тяжелый час и обусловила сокрушительное поражение Германии.

Масса глупостей написана о Канарисе. Его изображали самым загадочным из деятелей Германии всех времен – ловкачом, который плел интригу за интригой на протяжении всего промежутка между двумя мировыми войнами. Его выдавали и за одного из любовников Мата Хари, называли «адмиралом без формы», хотя большую часть взрослой жизни этот человек прослужил как раз на флоте. Другие пытались сделать из него гуманиста и моралиста, и даже интригана.

На самом же деле большая часть жизни Канариса была невероятно скучна и однообразна. Он родился в Аплербекке неподалеку от Дортмунда, то есть в самом центре Рура, 1 января 1887 года. Вильгельм Канарис был младшим из троих детей в семье преуспевающего горного инженера. Может показаться символическим, но в юности он получил прозвище Kiesecker, что можно перевести как «любитель подглядывать» или даже «шпик». Молодой Вильгельм Канарис пошел служить в военно-морские силы (кайзерлих-марине) и уже в Первую мировую войну заинтересовался разведывательной работой, хоть она и не была его специальностью. В Первую мировую войну он командовал подводной лодкой, а после войны стареньким линкором «Силезия». Начавшаяся после этого синекюра послужила тонким намеком на то, что военно-морские силы более не нуждаются в его услугах. В начале 1930-х годов его списали на берег на командирскую должность на второстепенную базу германских ВМС Свинемюнде на Балтийском море, где под его началом было несколько береговых орудий и еще мириады чаек для отстрела, чтобы не умереть со скуки.

Затем совершенно внезапно и необъяснимо с 1 января 1935 года он сменяет на должности главу абвера, военной разведывательной службы, гауптмана Конрада Патцига.

В ту пору Канарису исполнилось 48 лет, но выглядел он намного старше. Он был небольшого роста, щуплым, говорил тихо, сопровождая речь неторопливой жестикуляцией, лицо его покрывала сетка мелких морщин, волосы были белоснежные. Подчиненные за глаза называли его «der Alte» – Старик.

Канарис все время разрывался между нечистоплотностью своей работы и врожденной страстью к морализаторству, между мистической верой в судьбу и дотошным следованием поставленной цели. Он был добрым и слабоватым человеком, приспособленцем, обожавшим всех замирать, постоянно колеблющимся между решимостью и стремлением отложить решение на потом, до лучших времен. Его характер находил отражение во всех его поступках, даже в его излюбленном виде спорта – хождении под парусом. Он всегда ходит только по ветру, как однажды выразился кто-то из его друзей, и причаливает к берегу с повисшими парусами.

Канарис был в известной степени человеком впечатлительным, что, как кто-то отметил, было «несовместимо с выбором профессии офицера и вынуждало его чуть ли не с ужасом расценивать любое проявление силы». Вероятно, по причине своей чисто штатской внешности он с долей отвращения взирал на своих вечно куда-то мчавшихся коллег-офицеров. Один только вид орденов на груди у кого-нибудь из коллег вызывал у него сардоническую улыбку и язвительные высказывания. Этого было достаточно, чтобы бедняга навеки исключался из круга общения будущего адмирала. Канарис предпочитал штатские костюмы и окружал себя служащими, которые очень мало напоминали людей военных.

Его святилище на верхнем этаже здания абвера, прозванное посвященными «Лисьей норой», отражало противоречивые черты характера этого странного человека. Обстановка кабинета была лишена как стиля, так и вкуса. На его рабочем столе красовалась старинная безделушка, которую Канарис избрал в качестве символа абвера: три обезьянки – одна затыкает уши, вторая прикрывает рот, третья зажмуривается – «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». Одну стену закрывала огромная карта мира. На других висели три картины: фотография с автографом генералиссимуса Франко (знак его любви к Испании, гражданскую войну в которой он в 1936 году помог спровоцировать); японское изображение дьявола и картина его любимой таксы Зеппля.

У этого странного человека не было ни друзей, ни доверенных лиц, но зато он обожал собак. Его тревоги по поводу самочувствия его любимцев-собак однажды полностью дезориентировали его противников. Разъезжая под вымышленным именем и с поддельным паспортом по Испании, Канарис в 1936 году занимался подготовкой франкистского мятежа. Республиканская полиция разыскала его и поставила его телефон на прослушивание, поскольку Канарис временами шел на явный риск, передавая весьма конфиденциальную информацию в Берлин по открытым каналам международной связи.

Агент-испанец подслушал разговор Канариса о занемогшей собачке. В ответ на вопрос о ее самочувствии он получил от своего берлинского подчиненного детальный отчет об актах дефекации четвероногой любимицы. Испанская полиция не сомневалась, что это было не что иное, как хитроумный код, и дешифровальщикам пришлось туго: они едва ли не всю ночь пытались разгадать этот код. Но так и не разгадали. Канарис на самом деле рассуждал о самочувствии своей заболевшей таксы.

Канарис воплощал худшие стороны секретной службы. Он был политиком и, вследствие этого, попирает наиглавнейшее правило любой секретной службы, используя полученную его департаментом информацию как оружие для осуществления собственных козней. Он пришел в абвер, будучи убежденным нацистом, но позднее дистанцировался от Гитлера, а закончил жизнь и карьеру в статусе участника антигитлеровского заговора. Ныне его часто причисляют к высшему эшелону антинацистского заговора, однако реальный вклад адмирала Канариса состоял скорее из упущений, нежели из заслуг. Он позволил нацистам внедрить своих осведо-

мителей в абвер, а антинацистам – готовить за его спиной заговоры. И отнюдь не безуспешно пытался использовать и тех и других в своих собственных интересах.

В конце нацисты вздернули его на специально изготовленной виселице с тонкой рояльной струной вместо веревки – видимо, желая усугубить и продлить предсмертные муки бывшего начальника армейской разведки. Как однажды заметил Уоттон, виселица – позорнейший вид казни, но, судя по всему, представляется логичным предположить, что этот человек ее вполне заслуживал.

Но 1 сентября 1939 года от финала карьеры и казни адмирала отделяли годы. В ту пору он был на пике власти и славы – и все потому, что, хотя и странно слышать подобное о человеке, казалось бы, самой судьбой предопределенном вечно пребывать в тени, Канарис был всемирно известен. Абвер был мощной опорой Гитлера, а Канарис – одним из его наиболее ценных и ценимых им сообщников.

В полуофициальной истории абвера Пауль Леверкюн, гамбургский юрист, служивший офицером разведки во время войны, писал о Канарисе следующее: «Он был не просто человеком, находившимся на должности главы абвера. Его личность и методы создали сущность абвера. Абвер являлся в очень большой степени его творением, и, когда Канарис был отстранен, абвер начал быстро разрушаться. Фактически не будет большим преувеличением сказать, что абвер был Канарисом и Канарис был абвером».

Накануне войны Канарис располагал постоянным штатом в 18 000 сотрудников, как мужчин, так и женщин, и, кроме того, несколькими тысячами неофициальных информаторов.

Возглавлял иерархию сам Канарис. Ниже его располагались 5 главных секций. Существовал Центральный отдел, возглавляемый храбрым и решительным офицером, антинацистом, полковником Гансом Остером. Иностраный отдел при капитане Бюркнере поддерживал связь с иностранными державами. Отдел абвер II при полковнике фон Лахузене отвечал за саботаж и другие закулисные тайные операции. Отдел абвер III (начальник – подполковник (позже генерал-майор) фон Бентивеньи) исполнял главные функции в абвере – безопасность, контрразведка и борьба с диверсиями.

Секретная аналитическая работа (включая шпионаж) была зоной ответственности отдела абвер I, именуемого также Geheimer Meldedienst, или Секретной службой сбора и доставки сведений. Каждый из этих трех отделов, в свою очередь, был далее разделен на три подотдела, представлявшие армию, флот и авиацию соответственно и имевшие номера I H (сухопутные силы), I M (флот), I L (авиация), II H, II M, II L и т. д. Вдобавок существовали следующие 5 групп.

В подчинении отдела абвер-1:

Группа I Wi (Wirtschaft). Экономическая и коммерческая информация.

Группа I Ht (Heerestechnik) – сбор технической информации для армии (сухопутных войск).

Группа I TLw (Luftwaffentechnik) – сбор технической информации для военно-воздушных сил.

Группа I G – фотография, тайнопись (проявляющиеся чернила), удостоверения личности и паспорта и все другие вспомогательные устройства и аксессуары, необходимые для функционирования секретной разведслужбы.

Упомянутый отдел состоял из трех «подотделов» (по одному для армии, морских и военно-воздушных сил) и пяти групп. Среди них группа I G была занята разработками особых видов оружия (замаскированного под различные безобидные на вид предметы), изучением особых методов микрофотографии, невидимых чернил, изготовлением фальшивых документов – одним словом, всех необходимых для эффективного функционирования секретной службы средств. Группа I1 отвечала за радиосвязь, включая конструирование радиооборудования для агентов (так называемый Afus) и создание секретных радиосетей.

Отдел I имел относительно малочисленный штат в штаб-квартире в Берлине в пятиэтажном доме на Тирпицуфер. Этот отдел имел весьма разветвленную сеть многочисленных так называемых «доверенных лиц» (Vertrauensleute), то есть нештатных сотрудников-осведомителей. Многие агенты рекрутировались из числа постоянно проживавших в Германии граждан рейха; еще больше – сотрудничали с абвером на временной, непостоянной основе. Большинство этих Vertrauensleute были добровольцами, помогавшими нацистам из идейных убеждений, считавшими, что они таким образом словом и делом поддерживают гитлеровский «новый порядок». Горстка была наемными шпионами, работавшими за деньги, но платили им не так уж и много, по-видимому исходя из устоявшейся теории о том, что самую ценную информацию все равно ни за какие деньги не купишь.

Но не столь важно, насколько твердо Канарис держался на этом пике иерархии. Он понимал, что его пребывание в одиночестве чревато риском. И он не был бы предводителем шпионов, если бы не подозревал о всех опасностях, подстерегавших и его лично, и подчиненный ему абвер. И главной опасностью был Рейнхард Гейдрих, молодой шеф эсэсовской службы безопасности СД (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS – сокращенно Sicherheitsdienst – SD – служба безопасности рейхсфюрера СС), представлявшей собой довольно небрежно сработанную копию абвера Канариса.

Главной функцией абвера являлась защита Германии от иностранных противников как средствами агрессивного шпионажа, так и контрразведки. СД Гейдриха, созданная для защиты рейха от «внутренних врагов», как предполагалось, выполняла в основном функции полицейской разведки. Но подобное разделение полномочий долго сохраняться не могло. Невзирая на показное сотрудничество и даже личную дружбу, Канарис и Гейдрих не на жизнь, а на смерть сражались за обретение контроля.

Гейдрих всегда был полон решимости расформировать абвер, но подвластная Канарису организация занималась не пустопорожней деятельностью, а как-никак военной разведкой. Несмотря на то что этот план первоначально базировался прежде всего на профессиональных амбициях, у Гейдриха были и личные мотивы неприязни к Канарису. Гейдрих был младше Канариса на 17 лет, но оба были выходцами из германских военно-морских сил. С одним различием: Канарис дослужился до контр-адмирала и покинул ряды моряков с достоинством; Гейдрих же успел заполучить лишь погоны обер-лейтенанта, после чего с позором был изгнан из флота⁷.

И хотя теперь Гейдрих обрел огромную власть, его в свое время здорово потрепанная гордость не позволяла ему задирать нос перед Канарисом, в котором он не мог не видеть олицетворение военно-морских сил.

Со своей стороны, Канарис тоже пошел на значительные уступки, выполняя указания Гейдриха, чтобы не злить его без особых оснований. Он приглашал его к себе в дом, убедил поселиться неподалеку в пригороде Берлина и имел с ним хотя бы внешне вполне приятельские отношения. Однако мог временами и проявить высокомерие по отношению к этому желторотому наци, поскольку имел против него козырную карту, компромат, как это повсеместно принято в разведслужбах. Канарис обладал неоспоримыми доказательствами, хранившимися в надежном сейфе в «Лисьей норе», тому, что сам Гейдрих, эта фанатичная нацистская ищейка, яростно преследовавшая евреев, сам был по происхождению на какую-то часть евреем⁸.

⁷ Причиной отправления в 1931 г. в отставку было то, что Гейдрих решил жениться на сельской учительнице Лине фон Остен и расстался с прежней своей избранницей, дочерью хозяина крупнейшего металлургического холдинга. И адмирал Редер после суда чести вынес свое решение.

⁸ Это были ложные слухи. Дело в том, что отец Гейдриха Бруно родился от первого брака бабушки нацистского вождя, которая во втором браке вышла замуж за еврея Зюсса. Нацисты внимательно исследовали генеалогию Гейдриха и евреев не обнаружили (докопались до 1738 г. по отцовской линии и до 1688 г. по материнской).

Настроенная против абвера служба СД располагала в рейхе достаточно широким кругом задач и полномочиями. Впоследствии она была объединена в руководящий орган под названием RSHA (Reichssicherheitshauptamt), или РСХА – Главное управление имперской безопасности.

Этот находившийся в подчинении у Генриха Гимmlера орган состоял из 7 управлений, функции которых и круг обязанностей варьировались от вербовки и обучения личного состава до бесчеловечных, тайно проводимых медицинских экспериментов над заключенными концентрационных лагерей, исполнявшими роль подопытных животных. Управления IV и V выполняли полицейские функции. Управлением IV было печальное известное гестапо (Geheime Staatspolizei), возглавляемое Генрихом Мюллером, боровшимся против оппозиционных режимов, евреев, религиозных деятелей и, разумеется, осуществлявшее рутинный полицейский надзор за всеми аспектами жизни рейха и не только рейха. Отделом V была уголовная полиция (Kriminalpolizei), или Kripo, под началом Артура Небе, самая обычная криминальная полиция рейха.

Сбор информации и шпионаж были сосредоточены в III управлении (внутренняя СД) и VI управлении (внешняя СД), подчиненных непосредственно Рейнхарду Гейдриху. Гнездом агрессивного шпионажа нацистов было печально известное VI управление, где на Гейдриха работал проникательный и вероломный приспособленец-интеллектуал Вальтер Шелленберг⁹, низкорослый пронырливый тип, холодная расчетливость и склонность к методичному плетению бесконечных интриг которого служили прекрасным дополнением к размашистому подходу Гейдриха к выполняемой деятельности.

Управление VI шаг за шагом совершенствовалось, пока не превратилось в эсэсовскую разновидность абвера вермахта, секретную службу со своими функциональными и региональными подразделениями, явно копировавшими структуру абвера. Пусть и значительно меньшая, нежели абвер, эта служба Гейдриха на самом деле дублировала функции ведомства Канариса, нередко присваивая себе прерогативы, которые по логике вещей должны были бы принадлежать исключительно абверу.

Идеи Гейдриха отличались нетрадиционностью. Всякий прямой подход ему претил в силу якобы присущей ему примитивности. Его секретная служба постоянно ковала не совсем понятные планы совсем уж непонятных операций. Даже тех немногих, которые ему удалось удачно осуществить на практике, было достаточно для создания Гейдриху репутации одного из самых коварных, но, бесспорно, одного из самых блестящих, невзирая на относительную молодость, главарей шпионских ведомств.

В некотором смысле Гейдрих – персона, объективно наименее оцененная и недостаточно изученная в истории шпионажа периода Второй мировой войны. Несмотря на то что именно описания Канариса в немалой степени способствовали тому, что мир видел в Гейдрихе шпиона № 1 Германии, следует признать, что даже и без помощи своего бывшего сослуживца по флоту Гейдрих сам немало сделал в пользу распространения и закрепления подобной репутации. Некоторые даже полагают, что Гейдрих превосходил Канариса по части эффективности проведенных операций, но, как бы то ни было, вопрос об этом до сих пор остается спорным.

Все в этом человеке было окутано темным покровом тайны, включая его происхождение. Он родился в Галле в 1904 году в семье директора музыкальной Академии, внесенного в справочник как «Бруно Рихард Гейдрих (на самом деле Зюсс¹⁰)». Именно эта деталь и обусловила гипотезу о сомнительности расовой чистоты Гейдриха, ибо фамилия Зюсс в Германии была исключительно еврейской.

⁹ Руководил VI управлением СД с начала 1941 г. и до конца войны.

¹⁰ По фамилии второго мужа своей матери, который не был его отцом.

Для участия в Первой мировой войне 1914–1918 годов Гейдрих был слишком молод и уже после ее окончания вступил в ряды террористической молодежной организации и к 15 годам успел обеспечить себе репутацию опытного головореза. В военно-морские силы он пришел кадетом, впоследствии получил звание обер-лейтенанта, но вскоре был с позором изгнан по причине нескольких любовных связей, происходивших одновременно.

После этого Гейдрих, оставшись не у дел, вступил в ряды нацистов, а именно пристроился в службу разведки, где имелись все возможности проявить себя в роли шантажиста. Он выяснил, что одна высокопоставленная прусская официальная персона тайно переписывалась с заклятым врагом Гитлера в нацистской партии, пресловутым теоретиком партии Грегором Штрассером. Гейдрих стал ухаживать за женой упомянутого официального лица и сделался ее любовником. В паузе между любовными ласками на квартире дамы он и обнаружил скрытые в потайном месте компрометирующие ее мужа письма и похитил их.

Завладев таким серьезным оружием, Гейдрих стал вымогать для себя теплое местечко в мюнхенской элитной гвардии. И надо сказать, после этого его карьера быстро пошла вверх. В возрасте неполных 27 лет в 1931 году его назначили на должность начальника особого разведывательного отдела НСДАП и поставили во главе своры подонков – дюжих головорезов явной нордической внешности, наделенных кроме физической силы и явно садистскими наклонностями.

Гейдрих в свои 27 лет выглядел гораздо моложе, однако он принадлежал к тем, о ком говорят «молодой, да ранний». Он был высокого роста, строен и великолепно смотрелся в черной эсэсовской форме. Его безбородая физиономия придавала ему некоторое женоподобие, но это впечатление быстро рассеивалось, стоило его собеседнику встретиться с холодноциничным взглядом Гейдриха. Вильгельм Хётгль, один из его подчиненных в СД, сравнивал Гейдриха с Цезаре Борджа (Борджиа)¹¹. Их обоих, как утверждал он, объединяло полнейшее игнорирование всех этических ценностей, оба обладали той же маниакальной жадой власти, той же холодной расчетливостью, тем же ледяным сердцем, теми же тщательно и систематически просчитываемыми амбициями и даже той же физической привлекательностью, характерной красотой падшего ангела.

Гейдрих представляется влиятельной фигурой в истории современной секретной службы, потому что в наш век просвещенной и механизированной интриги он был единственным практиком средневековой, грубой интриги. Его жизнь представляла собой непрерывную цепочку убийств. Он лишал жизни людей, следуя жизненному принципу: мертвый враг лучше живого, и не снисходил до различия между несомненными противниками и теми, кто мог бы стать ему друзьями. Он ликвидировал людей, которых инстинктивно недолюбливал, коллег, которых считал помехой его карьерному росту, нацистов, которых считал ненадежными.

Даже его довоенные успехи были поразительны, но заметно поблекли в сравнении с более поздними победами. Война, которую он помог «оправдать», предоставила ему массу великолепных возможностей. И он не мог дожидаться ее начала, совсем как обжора, предвкушающий появление на столе обильных яств.

¹¹ Сын Родриго Борджа (ставшего папой под именем Александра VI, 1431–1503), Цезаре Борджа (ок. 1476–1507), как и его отец, использовал любые средства для достижения намеченных целей. Макиавелли превозносил Цезаре Борджа как пример совершенного государя.

Глава 3

Канарис прокладывает путь

Ганс Пикенброк был похож на преуспевающего виноторговца, но это был шпион высочайшего уровня. Веселый и жизнелюбивый уроженец Рейнской области, он был полковником германского Генерального штаба и руководителем отдела I Канариса, отдела абвера, занимавшегося шпионажем. Пикенброк был высокий, крупный, широкоплечий мужчина и снискал популярность у своих подчиненных, которые величали его *Pieki* (Пики). Ради него они были готовы на все.

Поскольку у Канариса не было времени, да и желания глубоко вникать в работу отдела I и он предпочитал утонченную атмосферу политической и дипломатической игры, Пикенброк обладал значительной самостоятельностью и максимально ею пользовался.

В папках Пикенброка таились самые сокровенные тайны фактических и потенциальных врагов Германии. Из-за огромных трудностей получения секретных сведений из Советского Союза Пикенброк принял решение пренебречь СССР. Время от времени ему удавалось переправить агентов в Советский Союз, а кое-кому из них даже удавалось и возвратиться, но большую часть сведений приходилось вычитывать между строк в советских открытых публикациях, опрашивать возвращавшихся из СССР туристов – одним словом, прибегать к помощи других методов кабинетного шпионажа.

Пикенброку не везло и в других важных областях. Министерство иностранных дел Германии, всеми средствами пытавшееся избежать трений с Великобританией, Францией и Соединенными Штатами (чтобы убаюкать их самодовольство и не втянуть их ненароком в войну), отнюдь не поощряло шпионскую деятельность сотрудников отдела в перечисленных странах. До 1936 года абверу даже запрещали иметь агентурную сеть в Великобритании. Только в 1937 году, после личного обращения Канариса к Гитлеру, армейской разведке было дозволено шпионить против Англии без каких-либо ограничений.

Менее двух лет хватило абверу для сбора исчерпывающей информации о Великобритании, с точными деталями, касавшимися ее малочисленной армии мирного времени, разбросанных по всему острову аэродромов Королевских ВВС и мощного Королевского флота. В течение тех довоенных лет полицией особой службы Скотленд-Ярда и Ми-5 директората военной разведки военного министерства (два главных британских органа контрразведки) удалось облачить много второстепенных агентов, но самая важная персона ускользнула от них. Хребет германского шпионажа в Великобритании так и не был сломан вплоть до внезапного начала Второй мировой войны.

Впрочем, Англия не являлась главной целью абвера. Куда более важной считалась Франция. Она была извечным врагом Германии и исторически сложившимся местом деятельности германских секретных служб.

В тактике действий абвера против Франции не было ничего нового. В 1869 году тайный агент Бисмарка доктор Вильгельм Штибер подготовился к Франко-прусской войне 1870–1871 годов, заслав 30 000 агентов во Францию. И накануне Первой мировой войны в отношении Франции поступили примерно так же – нафаршировали страну германской агентурой.

Канун Второй мировой войны тоже не был исключением. Даже Черчилля и того одурачили. 15 августа 1939 года, всего за 19 дней до внезапного начала войны с Францией¹², генерал

¹² В 11 часов утра 3 сентября, после того как Гитлер категорически отказался от переговоров о приостановке военных действий в Польше, Великобритания объявила войну Германии, а вечером того же дня к ней присоединилась Франция.

Жорж, главнокомандующий французскими войсками¹³, пригласил Уинстона Черчилля проверить линию Мажино. По возвращении Черчилль представил конфиденциальный отчет военному министерству.

«Врагу не удастся прорвать французский фронт, где бы он ни пытался это сделать», – заявил Черчилль.

Но линия Мажино, которую Черчилль описал как «непробиваемую», уже была пробита – не немецкими солдатами, те просто-напросто обошли ее несколько месяцев спустя, – а агентами «Пики» и Канариса.

В отделе I было создано специальное отделение, целью которого было разузнать все секреты линии Мажино. Была создана масса тайных подходов к объекту, но французы все же арестовали нескольких германских агентов, засланных к этому фортификационному сооружению. Тем не менее усилия абвера в конце концов были вознаграждены благодаря продажности двух французских офицеров, занимавших важные посты. Один из них был капитан Кредль, адъютант командира оборонительных сооружений сектора Меца, от которого – через агента, эльзасца Поля Денца, – немцы получили часть чертежей линии Мажино. Еще более важные сведения достались от другого предателя – француза Жоржа Фрожа, капитана, отвечавшего за обеспечение войск линии Мажино. В ходе частых командировок на протяжении всей линии укреплений и в результате доступа к картам и документации, содержащим важнейшие данные касательно гарнизонов, капитан Фрож собрал солидную информацию о линии Мажино.

Фрож был по характеру негативистом, с восхищением взиравшим на тоталитарную систему нацистов. И, обладая обширными знаниями об обороноспособности Франции и питая к ней, как и ее политической системе, ярко выраженную антипатию, вполне естественно, стал работать на немцев.

Как только немцы поняли, что имеют дело с источником ценнейшей информации, они приступили к выполнению операции «Z», то есть к вербовке Фрожа. Выяснилось, что капитан оказался в стесненном финансовом положении и любил деньги столь же сильно, сколь ненавидел свою страну. После этого вербовка агента много времени и усилий не отняла.

Подтверждение достоверности переданных Форжем сведений абвер получил случайно, как раз в то утро, когда немцы вошли в Прагу в 1939 году. Вместе с войсками в столицу Чехии прибыли и спец агенты абвера, которым была поставлена задача завладеть документацией чехословацкого Генерального штаба, в частности архивами его второго отдела. Быстро был установлен контакт с предателем в чешском Генштабе, полковником Эммануэлем Моравцем, который провел своих друзей из абвера прямо к замаскированному сейфу, в котором чехи хранили даже не свои военные секреты, а секреты армии Франции. А именно – комплект чертежей линии Мажино.

Каким образом эти чертежи оказались в сейфе у чехов – отдельная история. Когда чехи решили соорудить собственную систему укреплений по образцу французской линии Мажино, группе чешских военных инженеров разрешили осмотреть французскую систему фортификационных сооружений и даже сделать детальные эскизы отдельных сооружений, тех, которые произвели на них наиболее сильное впечатление. Чехи внесли в чертежи свои доработки, снабдили их подробными описаниями и пояснениями, проанализировали и даже подвергли критике французскую систему, а во время штабных «учений» еще и продемонстрировали способы проникновения в оборонительную систему.

Второй по важности позицией в списке приоритетов абвера был ВМФ Франции. С помощью агентуры, действовавшей в Бельгии, отдел I M (военно-морской разведывательный отдел Пикенброка) абвера систематически получал обзор французского флота, дислоцированного на побережье Франции, – от линкоров и до торпедных катеров, от пролива Ла-Манш и до Кана

¹³ Командующий Северо-Восточным фронтом.

на Лазурном Берегу в Средиземноморье. Германская разведка располагала мощной агентурной сетью, созданной специально для этих целей. Несколько агентов были французами. Один, симпатичный молодой человек, лейтенант флота, выходец из образцовой семьи, попался на удочку работавшей на абвер красавицы, некоей Лидии Освальд, которой абвер поручил вскрыть голову молодому лейтенанту. Лейтенант имел доступ к секретным документам адмирала Дарлана, главнокомандующего французским военно-морским флотом.

Этот источник был весьма ценным не только вследствие характера поставляемой информации, но еще и тем, что он упомянутую информацию поставлял чрезвычайно быстро. Однажды – это произошло во время кризиса – Дарлан продиктовал приказ о мобилизации военного флота. С помощью лейтенанта уже 4 часа спустя абвер получил упомянутый приказ – причем даже раньше, чем он был разослан в части и подразделения французского флота. И в 1939 году агент абвера по имени Отто Бальт прибыл в Берлин, имея на руках список всех аэродромов Франции и подробный отчет о самолетах и их пилотах. Человеком, от которого Бальт получил эти детальные сведения, был молодой капитан французских ВВС, работавший в кабинете Пьера Ко, министра военно-воздушных сил. Как и многие до него, молодой человек оказался предателем из-за любви, в том числе и к деньгам. Бальта заманила в ловушку привлекательная швея, жительница Эльзаса, проживавшая на Рю де ла Пэ. Когда она стала его любовницей – что потребовало куда больше денег, чем жалованье капитана, – Бальт стал снабжать его деньгами. В качестве оплаты он получил драгоценный отчет.

Эта акция Канариса стала последней в составлении французского досье. Теперь германское Верховное командование знало все, что требовалось знать о Франции.

Несмотря на традиционное внимание к Франции, работа кипела всюю и в польском отделении отдела полковника Пикенброка. Польша представляла собой идеальный охотничий заповедник. Многие немецкие граждане постоянно проживали в Польше, и полковник мастерски организовал их в особую Meldedienst, оперативную информационную службу. Пикенброк еще задолго до войны организовал и так называемую сеть прикрытия – настоящую паутину доверенных агентов. Сеть эта покрывала всю Польшу, включая все военные объекты. Эта сеть была до поры до времени законсервирована. У агентов были соответствующие инструкции не привлекать к себе внимания во избежание обнаружения и начать действовать лишь в чрезвычайных ситуациях или при наличии у них сведений экстраординарной важности. Агентура должна была сохраниться до начала войны.

Кроме того, Пикенброк организовал в Польше и специальную группу, которая снабжала абвер сведениями о Войске польском. Очень немногие из агентов были немцами; большинство было поляками по рождению, которые по очень многим соображениям пошли на предательство своей страны.

За несколько лет до войны «искатели талантов» Пикенброка прочесали Польшу в поисках новичков. Полковнику не составило труда рекрутировать целую армию изменников. Большое количество высокопоставленных чиновников и важных официальных лиц совершенно добровольно предлагали свои услуги. Но немецко-польское содействие по шпионажу не всегда представляло собой дорогу с односторонним движением. Поляки также продемонстрировали усилия, изобретательность и даже определенную эффективность в шпионаже против рейха. До начала войны они нанесли не меньше ударов немцам, чем абвер Польше.

Отдел II (сбор информации) польского Генерального штаба был крупной и влиятельной организацией. Размещался отдел в самом центре Варшавы на площади Пилсудского в покрытом тайной, мрачном старом здании довольно неряшливого вида. Туда регулярно стекались сведения, представлявшие вполне объективную и детальную картину Германии и вермахта – ничуть не хуже той, которую имели немцы о Польше и Войске польском.

Крупнейший центр польской разведки, специализирующейся на сборе сведений о Германии, располагался в городе Быдгощ (до 1919 и в 1939–1945 гг. Бромберг) неподалеку от

германской границы. Центр располагал 11 филиалами, включая один в Данциге. Поляки даже сумели пробраться к сердцу Гданьского отделения абвера. Они решили прибегнуть к древнейшим методам шпионажа – с помощью красивой женщины в качестве приманки – некой Клары Шебинской. Хорошенькая, как и большинство полек, пани Клара проживала в Данциге и работала секретаршей в одной фирме, которая была абсолютно вне всяких подозрений.

Эту пани направили в Данциг с определенной целью – завязывать знакомства с господами из абвера. Женщина была умна, прекрасно осведомлена о некоем Лотариосе, на которого ее ориентировали. Самым заметным ее активом была внешность – женщина обладала особой, чувственной красотой: миниатюрная блондинка с круглым милым личиком, поразительно большими карими глазами, чувственным ртом и несравненной фигурой. Она была женщиной жизнерадостной, сверх меры очаровательной и к тому же наделена романтическим восприятием жизни.

Клара часто бывала в компании сотрудников абвера, с некоторыми была знакома довольно близко и вскоре вступила в интимные отношения с резидентом данцигского филиала абвера. Шебинска знала, как вытянуть из своего любовника нужную и ценную информацию об операциях абвера в Данциге, и не только в Данциге, но и вообще в Польше.

И за работой в Данциге, и вообще за работой шпионской сети в городе Быдгощ стояла одна загадочная фигура. Звали его Жыхонь, впрочем, вовсе не обязательно, что это была его настоящая фамилия. Жыхонь был кадровым военным, и в Войске польском его знали, ценили и уважали. Даже в среде противников он считался несомненно лучшим офицером польской разведки. Но все же (а Жыхоню шел уже пятый десяток) он до сих пор ходил в майорах.

Жыхоня неизменно обходили в присвоении воинских званий, и все потому, что этот человек имел репутацию эксцентрика и бунтаря. Он обладал способностью наступать на любимые мозоли начальства, был довольно дерзок, не терпел дураков и нередко оказывался помехой для многих коллег, чаще всего помимо своей воли. И внешностью он чем-то напоминал бродягу, а уж по части манер и говорить нечего – воплощение неотесанности.

Жыхоня давно бы изгнали из разведки, не будь он в известной степени незаменимым человеком. Как только после его очередной выходки заходила речь о суде офицерской чести или об увольнении из армии, он каким-то образом выкручивался, доказав на практике свою полезность разведке. И что еще следует отметить – Жыхонь постоянно пребывал, что называется, под хмельком.

Жыхонь был алкоголиком, и не исключено, что и не совсем нормальным. Ему было плевать на соблюдение секретности даже в самой секретной из профессий. Как только он прибыл в Данциг, например, он тут же названивал какому-нибудь своему немецкому коллеге и объявлял, что, дескать, прибыл в город. Он мог в дружеской беседе с немцем вовсю пользоваться профессиональным жаргоном, будто забывая, с кем говорит. Он мог и оскорбить собеседника, и нахамить ему. В подобных случаях немцы говорили: «Ах, снова этот идиот Жыхонь напился в стельку». Однако они очень и очень недооценивали Жыхоня.

Время от времени немцы пытались пробраться в агентурную сеть Бромберга, играя на слабостях Жыхоня, и время от времени они, казалось, были даже на грани успеха. Но как раз тогда, когда им начинало казаться, что дело, как говорится, на мази, Жыхонь разочаровывал их. Этот шут был кем угодно, но не глупцом. Ян Хенрик Жыхонь был королем шпионов.

Поэтому, когда подотдел «Восток» доложил наверх в Берлин, что, мол, есть признаки того, что в деле организации Жыхоня намечается реальный прорыв, это вызвало настоящую сенсацию в абвере. Сначала казалось, что сам майор Жыхонь кидал пробные шары, но, когда был установлен контакт с потенциальным предателем, выяснилось, что он – заместитель майора Жыхоня, капитан Казимир Толодзецки.

Он предложил вероятное объяснение своей измены: ненависть к его капризному боссу. Толодзецки был мальчишкой для битвы и козлом отпущения Жыхоня. Майор превратил жизнь

своего несчастного заместителя в ад, и постепенно в Толодзецки накапливалась слепая злоба. Толодзецки, может, и не собирался действовать во вред своей родине Польше, но вот назло Жыхоню был готов на что угодно. Его задачи были просты. Он передает абверу часть сведений с тем, чтобы устроить неприятности Жыхоню – документы эти якобы послужат доказательством тому, что Жыхонь спутался с немцами. И Толодзецки написал анонимку в Варшаву, намекающую на то, что, мол, Жыхонь – немецкий агент. В конце концов его рвение насторожило и немцев. Абвер подозревал, что Толодзецки – всего лишь приманка, с помощью которой Жыхонь планировал передавать дезинформацию в абвер.

Но тут вмешались поляки и доказали, что подозрения, оказывается, безосновательны. Предательство заместителя Жыхоня было истинным. Толодзецки был взят под наблюдение, и его измена была обнаружена. Капитана арестовали, судили и повесили. Поляки совершили ошибку, разгласив факт казни. Казнь раскрыла немцам глаза. Сведения, которые они отказались рассматривать как подлинные, никакой дезинформацией не были и в свое время сослужили немцам добрую службу в ходе Польской кампании.

Другим источником секретных сведений для немцев был офицер Войска польского, имя и фамилия которого до сих пор окружена тайной. Ему удалось избежать участи Толодзецки, и немцы, в знак благодарности, до сих пор не спешат раскрыть его. Этот человек так же добровольно предложил свои услуги абверу и представил список многих польских офицеров, готовых работать на абвер. И этот офицер вызвал подозрение абвера, сначала его предложение отклонили. После дела Толодзецки, однако, немцы поняли свою ошибку и стали отчаянно пытаться восстановить контакт с ним. Поскольку маховики шпионажа раскручиваются временами довольно медленно, им потребовалось свыше двух лет, чтобы вернуть контакт, который был наконец установлен, причем в критический момент – накануне Второй мировой войны.

После этого все шло гладко. Агент поставлял абверу сведения достаточно многих польских офицеров, занимавших ответственные должности, и от них немцы постепенно получили целиком мобилизационный план страны и план стратегического развертывания войск.

Таким образом, организация Канариса снабдила Гитлера всем, что он должен был знать о Франции и Польше. Восточный фланг был надежно защищен нацистско-советским пактом. Оставалось лишь одно, чего жаждал фюрер, – нейтралитет Великобритании.

Глава 4

Застой в союзническом лагере

В отличие от разросшихся секретных служб Гитлера, демократические государства либо не располагали вообще разведслужбами, достойными внимания, либо ограничивались малочисленными и находившимися в состоянии полудремы организациями. Спецслужбы Франции и Великобритании занимали последнее место. Они существовали в основном на низких бюджетных ассигнованиях и почивали на лаврах прошлых заслуг с неизбежными последствиями. Грубо говоря, и французские и британские секретные службы были просто никуда не годными, полностью не соответствующими проблемам и требованиям тех роковых лет.

Во Франции, на родине Жозефа Фуше (1759–1820), одного из самых коварных и бесчестных шпионов в истории, разведка была традиционным инструментом власти, но относились к ней скорее как к искусству, нежели как к серьезной науке. Под стать хаотической организации французского правительства и снедаемой завистью хищной бюрократии, из которой оно и состояло, разведка была децентрализована и разделена. Службы предпочитали держаться подальше друг от друга, все попытки сотрудничества осуждались из опасений, что, мол, согласованность может поставить под угрозу автономию.

В 1939–1940 годах Франция располагала плеядой блестящих послов в ключевых столицах. Такие люди, как Андре Франсуа-Понсэ¹⁴ и Робер Кулондр, занимавшие посты глав дипломатических миссий Франции в Риме и Берлине в те беспокойные дни, были вполне способны и представить оценки тех или иных событий (и представляли их) в посылаемых на Кэ д'Орсэ¹⁵ отчетах, но представления не имели, что происходит с их отчетами в Париже. Во Франции разведка, по сути, рассматривалась как прерогатива вооруженных сил; соответственно, крупнейшие разведывательные службы функционировали в недрах военных структур.

Накануне Второй мировой войны у Франции было четыре крупных разведывательных службы, но ни одной структуры, которая координировала и централизовала бы их деятельность. Армия имела две спецслужбы – второй и пятый отделы Генерального штаба; первый из упомянутых занимался общей разведкой и выработкой стратегических оценок; второй – шпионажем и контрразведкой. У военно-морского флота был свой собственный параллельно действующий разведывательный отдел. У Министерства ВВС имелся несколько меньший разведотдел, вероятно лучший из всех, ибо в силу новизны учреждение не успело впитать традиционные предрассудки.

И по срокам существования, и по влиянию, и по искусности приемов присвоения власти армейское Bureau de Renseignement – Второе бюро – занимало центральную позицию в лабиринте разведки. Второе бюро представляло собой отъединенную от всего остального мира, закрытую организацию. Причем пресловутую «отъединенность» вполне можно было понимать и в прямом смысле. Оно размещалось в La Ferete-sous-Jouarre, вдали от сутолоки Парижа и вдали от пятого отдела.

Несмотря на статус «серого кардинала», армейская разведка Франции страдала от различных фатальных затруднений. С одной стороны, она возглавлялась офицерами довольно низких званий. В 1939 году ею руководил некто полковник Гоше. Главой Второго бюро был Бариль, воинское звание – майор. Гоше и Бариль были людьми достаточно образованными и

¹⁴ В марте 1940 г. послу в Риме Андре Франсуа-Понсэ министр иностранных дел Италии Чиано раскрыл планы Гитлера на продолжение войны.

¹⁵ То есть МИД Франции на набережной Кэ д'Орсэ.

компетентными, способными разведчиками, но их влияние оставалось низким даже в стенах руководимых ими организаций. Их постоянно загоняли в угол более старшие по званию офицеры, равно как и те, кто был ближе к командному генералитету, так что поступавшие к ним зачастую весьма важные сведения так и оставались пылиться в ящиках столов их служебных кабинетов, пусть даже с их резолюциями.

Гоше, например, не раз прилагал воистину героические усилия, чтобы направить полученные сведения касательно Польской кампании генералу Гамелену, главнокомандующего армией¹⁶. Гош рассчитывал, что содержание документов все же выведет генерала из состояния летаргии и заставит изменить отжившую свой век стратегию бесстрастного равнодушия. Он добрался до полковника Прео, друга Гамелена и начальника оперативного отдела штаба главнокомандующего. Прео был категорически не согласен с выводами Гоша и не удосужился даже проверить данные, на которых эти выводы основывались.

Сами французские генералы были склонны игнорировать или отклонять заключения их офицеров разведки. Когда генералу Вейгану представили отчет о моторизованной войне, которая предполагала обновление военной машины Франции, он набросал на полях документа (который, между прочим, был подготовлен Шарлем де Голлем): «То, что Вы написали, глубоко заинтересовало меня, но я не согласен». Это было концом обсуждения вопроса.

Точно так же Второе бюро отличалось от старших французских наблюдателей во мнении относительно хода и оценок уроков Польской кампании. Но генерал Гамелен был настолько далек от разведки, что не нашел времени даже пролистать польское досье Второго бюро.

В штате Второго бюро было множество офицеров, которые навязывали его руководству свое мнение в силу того, что они, как оказалось, были друзьями или протеже генералов. По тому же принципу назначались и военные атташе, и Второе бюро вынуждено было зависеть от них по почти всем вопросам касательно разведки. В последние годы перед Второй мировой войной полковник Дидле – который, как и его адъютант, и его предшественник на этом посту, не владел немецким языком – тем не менее был назначен военным атташе Франции на решающем направлении – в Берлин. Дидле получил это назначение, поскольку был одним из протеже Вейгана. В Берлине он жил беззаботно, не задумываясь о будущем. Отчеты посылал в Венсен (район Парижа), и ныне они воспринимаются как детские сказки. Он так ничего и не выяснил ни о фактической численности германской армии, ни о военной доктрине, ни о тактике, ни об истинном назначении немецких бронетанковых соединений, то есть именно тех соединений, которые вскоре сыграют доминирующую роль в сокрушении Франции.

И Второе бюро увязло в своих традициях. Несмотря на таких его сотрудников, как Гоше и Бар иль, организация эта не соответствовала требованиям времени и была неэффективна. Просчеты Второго бюро простирались от малозначимых тактических упущений до фундаментальных стратегических ошибок. На карте Генерального штаба, выпущенной картографическим отделением, немецкий город Ахен (Aix-la-Chapelle) располагался на территории Бельгии. Главная железнодорожная линия Гамбург – Берлин была отмечена как неспособная к интенсивному движению. Периодические резюме разведки содержали фундаментальные фактические ошибки и совершенно неверные суждения, что не могло в будущем не возыметь серьезных последствий. Историк Марк Блок, служивший офицером разведки во время Второй мировой войны, утверждает, что грубые ошибки в резюме разведки отчасти были причиной катастрофического поражения Франции в 1940 году.

Именно дело разведки, писал Блок впоследствии, предусматривать потребности и заранее представлять необходимые факты. Достоверные сведения должны быть доступны всем,

¹⁶ М.Г. Гамелен (1872–1958) с 3 сент. 1939 г. был главнокомандующим союзными войсками во Франции. 19 мая 1940 г., когда стало очевидно поражение союзников, был отстранен от командования.

кому требуется. Но вместо этого разведка едва ли выходила за тесные границы, предписанные ей традициями, которым понятие моторизованной войны было неведомо.

В отношении Франции можно без обиняков заявить, что разведывательная служба страны и сама отражала царивший в стране беспорядок и вдобавок способствовала усугублению этого хаоса.

Англия в этом смысле выглядела чуть лучше.

Любому, кто не имеет отношения к спецслужбам, британская секретная служба представляется таинственной, едва ли не фантастической организацией. Британское правительство с упорством, достойным лучшего применения, не опровергало, но и не подтверждало существования разведки либо обвиняло ее во всех смертных грехах, требуя одних только успехов. Сам девиз секретной службы: «Ничего не объяснять, ни за что не извиняться». Все нападки на секретную службу безмолвно проглатывались, виновников не было, однако уж самые нелепые претензии или обвинения все же изредка достаивались опровержений.

Тайна, которой Великобритания как броней окружила свою секретную службу, отчасти диктовалась осмотрительностью, отчасти просто причудой; в большей степени как раз последним. Это был романтический маскарад, адресованный британцам, грандиозное шоу шпионажа, которое в 1939 году, накануне Второй мировой войны, представлялось анахронизмом и даже ребячеством.

Рост раздражения этим тайным орудием правительства его величества побудил членов парламента нарушить священную традицию и перейти к открытому обсуждению очевидной деградации секретной службы.

В палате общин Джеффри Мендер оплакал «частое поразительное незнание британским правительством событий за границей». Лис-Смит потребовал убрать секретную службу из-под эгиды министерства иностранных дел, поскольку ее традиции и методы «не соответствуют тем, которые мы вынуждены будем использовать в борьбе с нацистским режимом».

Самый откровенный и красноречивый, как обычно, Уинстон Черчилль, Кассандра тех дней, озвучил самую что ни на есть нелицеприятную критику секретной службы. 13 апреля 1939 года, в связи с оккупацией Гитлером Чехословакии, он заявил: «После 25-летнего опыта в мирное и военное время я полагаю, что британская Интеллидженс сервис является самой прекрасной службой в мире. И все же мы убедились в том, что и в случае оккупации Богемии, и в случае вторжения в Албанию у министров короны не было, по-видимому, подозрений и уж точно убежденности в том, что должно было произойти».

Стагнация секретной службы была очевидна и в стране, и за ее пределами. Наиболее сильно это отразилось на министерстве иностранных дел и автоматически – на британской дипломатии того периода. Члены секретной службы переняли заплесневелые викторианские манеры британских дипломатов и их склонность и к этикету, и к интригам. Политическая разведка стала инструментом, которым злоупотребляли главы отделов, постоянные официальные лица среднего уровня. Анархия царила повсюду, а традиционная секретность покрывала не только конфиденциальные операции, но заодно и анархию.

Во время войны Великобритания опомнилась и стала привлекать в разведку интеллектуалов из самой Британии и стран Содружества. Выдающиеся писатели, такие как Сомерсет Моэм и Маккензи; ученые – Эвинг, Хогарт и Лоуренс; блестящие политики вроде Уилсона и Кокса стали служить специалистами в разведке в наиболее знакомых им областях.

Но в относительно безмятежные дни мира британская разведка возвращается к «корпусу» – горстке пожизненных профессионалов. Некоторые из этих людей проявляют себя как великолепные специалисты, хорошо обученные в легендарном «черном замке», в котором предположительно размещался колледж имперского Генерального штаба по подготовке агентуры, но, как правило, это были люди с долей здравого смысла и воображения. Они до дыр зачитывали учебники. Им была не чужда и способность размышлять, причем даже в духе

Фальстафа: «Молитесь, чтобы армии наши встретились в не слишком жаркий день, потому что, клянусь Господом, я беру с собой только две рубашки и вовсе не желаю слишком сильно потеть».

И потом, все упиралось в деньги. В чрезвычайных ситуациях Великобритания может быть щедрой, но в мирное время она, как правило, скардна.

Накануне Первой мировой войны секретная служба его величества получила скупое ассигнование приблизительно в 47 000 фунтов, по сравнению с 70 000 фунтами, которые Кромвель выделил Джону Терло в середине XVII века, когда к тому же покупательная способность фунта была намного выше.

Результат этого возымел катастрофические последствия. Министерство иностранных дел было вынуждено ликвидировать департамент политической разведки, распустить лучшие кадры. К 1938 году бюджет на службу был увеличен – 450 000 фунтов. Но большая часть его должна была быть потрачена на борьбу с иностранными агентами, роящимися на всей территории Британских островов и империи. Только в период чехословацкого кризиса министерство иностранных дел внезапно решило восстановить департамент политической разведки (сокращенно P.I.D. или, в разговорной речи, Pids) и назначило блестящего профессионального дипломата, Рекса Дилера, ее руководителем. Фактически этот отдел не начинал работу до 10 сентября 1939 года, то есть неделю спустя после внезапного начала войны. Липер расположил его в Уоберне, в имении герцога Бедфордского – разведывательная служба, как отметил Брюс Локкарт, оказалась в 50 милях от центра разведки.

Возрождение Pids усугубило анархию, поскольку это еще усложнило комплекс секретной службы. С одной стороны, Липер, несмотря на его компетентность, не стал во главе секретной службы. На самом деле его собственный отдел едва ли вообще мог считаться секретным. Фактический руководитель этого лабиринта служб был скрыт где-то в глубинах и плотно прикрыт, ибо так было удобнее, поскольку гордиться ему было нечем и вопить тоже не о чем.

Анархия и хаос не ограничивались Лондоном; за его пределами все могло обстоять намного хуже.

Практикой секретных служб всегда было насыщение проблемных участков сетями своих сотрудников, проходивших длительную предварительную подготовку; часть таких сетей могут так и никогда не использоваться. Их цель – подстраховка на случай возникновения критических ситуаций, когда они смогут предоставить любые необходимые сведения.

Что до их урезанных ассигнований и глобальных обязательств, то британцы ограничивались созданием и поддержанием в рабочем состоянии остова, скелета сети; несмотря на это, и у министерства иностранных дел, и у управления военного министерства и разведки имелись собственные сотрудники в Германии. Это были вполне полноценные, полностью занятые, компетентные, обученные агенты в самом буквальном смысле слова, действующие согласно заранее разработанным планам и на долгосрочной основе, в достаточной степени не зависимые от особых, временных осведомителей и ассистентов добровольных помощников (волонтеров).

Их присутствие было очевидно; время от времени СД Рейнхарда Гейдриха и другим органам германской контрразведки удавалось изловить британских шпионов с поличным. В 1938–1939 годах они вынесли 23 приговора самым настоящим шпионам, все из которых были гражданами рейха. Среди них было несколько довольно незначительных агентов, работавших, к примеру, осмотрщиками на железных дорогах или же занимавших должности в аэропортах, казармах, железнодорожных станциях и т. и.

Эти люди выполняли указания либо атташе берлинского посольства Великобритании, или же британских консулов на территории рейха, но в основном они подчинялись так называемой Континентальной секретной службе. В упомянутой службе никогда не считалось необходимостью иметь свою штаб-квартиру в Германии или любой другой стране, являвшейся объектом шпионажа. На практике предпочитали скорее учредить некий центральный штаб под

более-менее благовидным прикрытием в соседней дружественной стране, которая, как и ожидалось, будет соблюдать нейтралитет.

До середины лета 1938 года главная база на Европейском континенте оставалась в Вене. Она функционировала под вывеской Британской паспортной службы, традиционно зависевшей от секретной службы. Заведовал ею капитан Томас Кендрик, один из самых многообещающих офицеров британской секретной службы.

Позиции Кендрика здорово пошатнулись, когда в марте 1938 года немцы присоединили к рейху Австрию, заняли Вену и всю занялись розыском шпионов. Уже очень скоро они вышли на Кендрика, который был арестован по обвинению в шпионаже. Министерство иностранных дел затеяло обычный ритуал заявлений протеста, но все, что на самом деле желали англичане, – так это вытащить Кендрика из тюрьмы и вернуть его в Лондон. 22 августа он был выслан из Вены. И хотя Кендрик был отнюдь не самым худшим из сотрудников, его сеть, разумеется, развалилась как карточный домик.

После этого центр британских шпионских операций против Германии перебрався в Копенгаген, но в ноябре 1938 года и это изменение потерпело серьезную неудачу. Датчане, взволнованные ростом интенсивности шпионских операций иностранных государств на их территории, организовали самую настоящую и тщательно продуманную охоту на шпионов, и некий Вальдемар Пётш попался в сети датчан. В тот период все агенты, как само собой разумеющееся, считались германскими, но в ходе допроса Пётша выяснились сенсационные факты о том, что он, оказывается, работал на британцев. Датчане ужасно стеснялись вмешиваться в операции английских агентов, но, так как его арест стал всеобщим достоянием, предстояло его «припрятать». Судебное разбирательство по делу Пётша проходило за закрытыми дверями, однако немцы сумели раздобыть соответствующее признание Пётша, и, таким образом, в рейхе выяснилось довольно много об управлении и осуществлении операций Континентальной секретной службы.

Дополнительный компромат немцы получили из еще одного датского источника, от полиции, располагавшей специальным отделом контрразведки. Секции III-F тер-майской военной разведки удалось инфильтровать в этот отдел и включить в список агентуры заместителя начальника полиции. Из этого источника немцы получили точную информацию об операциях Континентальной секретной службы не только в Дании, но и во всей Скандинавии.

После провала Пётша Континентальная секретная служба переместила штаб-квартиру в Гаагу. Здешнее управление возглавлял бессменный профессионал шпионажа Генри Ричард Стивенс. Он был майором британской армии и проходил в свое время подготовку в «черном замке». Стивенс руководил солидной организацией, поделенной на более или менее самостоятельные отделы. Существовали политические и экономические отделы, отдел контрразведки, военные и военно-морские отделы, у каждого был свой руководитель, обладавший значительной автономией. Военный отдел находился под руководством, как предполагается, офицера в отставке британской армии, капитана Пейтона Зигмунда Беста, который впервые появился в Голландии еще в Первую мировую войну.

Бест отвечал за сеть агентов в Германии. Они поставляли ему самую разнообразную военную информацию, которая только попадала к ним. Его главным связником с этой сетью был нервный и экспансивный «беженец», называвший себя доктором Францем. Именно доктор Франц и поставлял подлинные сведения о стремительном развитии люфтваффе. Бест очень тщательно скрывал свою принадлежность к шпионам и до внезапного начала боевых действий дистанцировался от других своих коллег по профессии.

Голландское зарубежное отделение было в своем роде уникальным. Великолепные результаты его работы в предвоенные годы достигались в основном за счет эффективности отдела разведки армии Нидерландов при генерале ван Оршоте, с которым сотрудничали британцы, и еще компетентности одного холостяка, голландского военного атташе в Берлине.

Атташе был скромным полковником армии Нидерландов с приятными манерами и вкрадчивым голосом по имени Ян Г. Сас. Сас был выдающейся фигурой в мрачном мире шпионажа.

Сас имел многих близких друзей в вермахте, и в особенности полковника Ганса Остера, начальника штаба абвера, решительного и энергичного человека, антифашиста по убеждениям. Остер был по своей природе довольно подозрителен, но к Сасу относился вполне лояльно. Он в своих разговорах откровенничал с ним едва ли не больше, чем со своими немецкими соратниками и единомышленниками. Эти двое полковников встречались в доме Остера в Целендорфе (район Берлина на юго-западе города) обычно по вечерам. Во время упомянутых встреч Остер снабжал полковника Саса всей информацией, к которой имел доступ, и часть этого материала в конечном итоге уходила в Лондон.

Великобритания располагала и еще одним зарубежным отделением – в Берне, Швейцария, но до вторжения в Голландию в 1940 году его деятельность носила скорее формальный характер.

Возможности британских зарубежных служб в сильной степени тормозились моральным старением бездействующей сети. Большая часть ее существовала уже не один год, если не одно десятилетие, и ее участники деградировали как разведчики. Другой недостаток коренился в сотрудниках, которые, как предполагалось, должны были заниматься всем сразу.

Одна из неудач Великобритании состояла в том, что британский посол в Берлине испытывал непреодолимую неприязнь к шпионажу (вероятно, он считал его помехой проводимой им политики умиротворения) и его предвзятые понятия не позволяли объективно оценить даже самую достоверную информацию, если она противоречила его личным воззрениям. Британским послом в Берлине был сэр Невилл Хендерсон, довольно негибкий человек, хотя и профессиональный дипломат, неспособный осмыслить интриги и мелочные придирки идущей вразрез с общепринятыми нормами нацистской дипломатии. Шпионаж не был областью Невилла Хендерсона. Шпионажем отчасти занимался анонимный сотрудник секретной службы и отчасти атташе, но и они, увы, не могли не попасть под чары этого достойного лишь брезгливого сочувствия посла.

Таким образом, 15 февраля 1939 года, ровно за месяц до германской оккупации Чехии и Моравии, полковник авиации Дж. Л. Уэчелл, британский военно-воздушный атташе в Берлине, сообщил в Лондон: «Думаю, маловероятно, что Германия предпримет военную операцию в ближайшие 2–3 месяца». А 28 февраля 1939 года, когда немецкие войска уже приступили к стратегическому развертыванию, готовясь войти в Чехословакию, полковник Франк Мэйсон-Макфарлейн, военный атташе, ответил на вопросы таким образом, что ни один профессиональный аналитик ничего бы не понял: «Немецкая армия проходит через фазу эволюции, когда все, обычно считающееся ненормальным, на самом деле вполне нормально... Немалая сложность – даже для квалифицированного наблюдателя – состоит в том, чтобы определить, когда же «нормальная ненормальность» объединится в нечто более значительное. На данный момент [за 15 дней до марша на Прагу] я не располагаю никакой достоверной информацией, которая указывала бы на начало любой формы мобилизации, и не могу ничего добавить к сказанному».

С поступлением подобной «информации» едва ли может показаться удивительным, что оценочная деятельность этих лондонских пентюхов была намного хуже, чем бесполезной.

15 августа 1939 года приготовления немцев были практически завершены, и даже была выбрана предварительная дата – 26 августа – начала военных действий против Польши.

Тем не менее в тот же день в конфиденциальном письме министр иностранных дел лорд Галифакс продолжал настаивать: «У меня такое впечатление, что герр Гитлер все еще проявляет неуверенность, стремясь избежать войны, и нам следовало бы удержать его от этого, но так, чтобы при этом он не потерял лица».

Глава 5

Троянские кони

На рассвете первого дня войны полковник Пикенброк предоставил вермахту обширнейшую информацию касательно начала войны Германией, самые что ни на есть достоверные сведения, располагаемые абвером; и все же, даже несмотря на изобилие цифр и фактов, информированность Гитлера о его противниках нельзя было считать исчерпывающей, более того – она оставалась крайне недостаточной. Сияющие в лучах самовосхваления, самоуверенные и избалованные германские спецслужбы тоже имели свою ахиллесову пяту – политическую разведку, которая играла важную роль.

В первую очередь эту функцию должно было выполнять внешнеполитическое ведомство, то есть министерство иностранных дел, но ее прибрала к рукам вотчина Гейдриха и еще два квазиофициальных агентства: личное бюро министра иностранных дел Риббентропа (печально известное «Бюро Риббентропа») и Внешнеполитическое бюро, или *Aussenpolitisches Amt*, «дипломатическая лапа» нацистской партии, направляемая каким-то труднодостижимым образом именно Альфредом Розенбергом, мистиком-теоретиком НСДАП и несостоявшимся дипломатом.

Эти агентства соперничали друг с другом в безумной схватке за дипломатическую информацию. В своих попытках создания отдельных собственных сетей и ненасытной состязательности они заживо поедали друг друга. В результате Гитлер получал огромное количество касавшихся политики сведений, качество которых никак не соответствовало их количеству.

С самого начала воцарения нацистского режима в Германии институт политической разведки всячески поощрялся. То, как создавалась и развивалась шпионская сеть в Англии, было описано в откровенном отчете Розенберга фюреру. «Усилия, – писал он, – отыскать людей в Англии, которые тяготели бы к германской идее, относятся к 1929 году. Наш английский агент Р. в Берлине устроил мою первую поездку в Лондон еще в 1931 году. Там было установлено достаточно контактов, вполне осуществимых и на практическом уровне и способствующих англо-германскому взаимопониманию».

Если верить отчету Розенберга (а ему, по-видимому, верить можно и нужно, поскольку обвинители от Великобритании на Нюрнбергском процессе привели его в качестве доказательства), становится ясно, что его организация достаточно успешно создавала невиданную доселе сеть искренних друзей рейха в Великобритании – дезинформированных простофиль и наемных шпионов. «Самый видной фигурой из всех, – утверждал Розенберг, – был полковник авиации В., член Генерального штаба Королевских ВВС, человек, твердо убежденный в том, что Германия в союзе с Англией должны выступить единым фронтом против большевистской угрозы. Если мы внедрим эту идею в общественное сознание, – писал дальше Розенберг, – то расширим круг наших доверенных лиц в Генеральном штабе Королевских ВВС. Кроме того, центром англо-германского сотрудничества стал Королевский аэроклуб. В 1934 году полковник авиации В. приехал в Германию и был принят фюрером».

Сеть Розенберга также включала секретаря премьер-министра Рамсея Макдональда; консультанта военного министерства капитана Маккоу (одного из адъютантов лорда Китченера); адъютанта герцога Коннахтского (Коннаутского); некоего Арчибальда Бойля, которого Розенберг описал как «консультанта министерства ВВС»; и «большое количество других лиц» среди британских политиков, служащих и членов британского парламента. Его влияние простиралось даже до королевской семьи. По крайней мере, однажды Розенберг удостоился конфиден-

циального приема у герцога Кентского, который по своей инициативе пообещал в выгодном свете представить Германию своему брату, королю Англии.

Проявление понимания и готовность к конкретному сотрудничеству со стороны такого количества видных британцев ослепляли дипломатов-дилетантов, каковыми и были как Риббентроп, так и Розенберг, лишая их способности трезво оценивать реальные факты. Оба считали этих британцев невзыскательными авантюристами, то есть людьми того же типа, что и сами, фигурками обширного заговора, участники которого предпочли «Mein Kampf» Великой хартии вольностей. Верно, часть этих британцев были людьми неумными или просто наивными, этого никто отрицать не собирается, но вот только предателями они не были.

Наутро после оккупации Чехословакии многие сочувствовавшие Гитлеру страдали ужасным похмельем с горьким привкусом лжесвидетельства фюрера. За ту ночь нацисты растеряли фактически всех своих знаменитых английских друзей, и все же ни Риббентроп, ни Розенберг этого так и не осознали.

Оценка ситуации, подготовленная для Гитлера министерством иностранных дел и бюро Розенберга, была подробной и недвусмысленной. В ней безоговорочно утверждалось, что Великобритания лжет и блефует и что Гитлеру опасаться ее вмешательства нечего. Эта оценка была изложена в письменной форме Риббентропом: «Англия никогда не посмеет выступить против фюрера, иначе она будет разгромлена, как и Польша, и, таким образом, утратит свое имперское величие, если же рискнет ввязаться Франция, то истечет кровью у Западного вала».

Чтобы Гитлер вдруг, не дай бог, изменил свои намерения, Риббентроп строго-настрого запретил представлять фюреру все материалы, идущие вразрез с его, Риббентропа, точкой зрения. Он дошел даже до того, что выпустил директиву следующего содержания: «Если я замечу, что какое бы то ни было официальное лицо выразит иное толкование, то лично расстреляю его у него же в кабинете, а ответственность возьму на себя...»

Едва ли приходится удивляться тому, что очень многие представители германской дипломатической службы, которые хоть чуточку опасались за свои головы, принялись торопливо переписывать свои собственные оценки обстановки – так что вполне дезинформированный Гитлер, вступая в войну с Польшей, пребывал в непоколебимой уверенности в собственной безнаказанности.

Но пока нацисты наивно полагали, что сумели запустить в цитадель к британцам образцовых троянских коней, аналогичные коняги имели все возможности бить копытами в их собственном лагере. Надо признать, что британцы проворонили эту неопределимую возможность. Для них в Германии существовало воистину «Эльдорадо» потенциального шпионажа, причем не где-нибудь, а в высших сферах Третьего рейха. Речь идет о весьма пестрой группе профессионалов в различных областях, религиозных лидерах, высокопоставленных служащих, членах высших сословий с вкраплениями кое-где социал-демократов. Все упомянутые люди были настроены крайне антинацистски и отличались прозападным мышлением.

К ним можно по праву причислить отважного и неопределимого Остера, Ульриха фон Хасселя, экс-посла Германии в Италии, ставшего дипломатическим консультантом этой тайной оппозиции, генерала Людвиг Бека, уволенного с должности начальника германского Генерального штаба, Карла Фридриха Герделера, бывшего бургомистра Лейпцига, и еще многих других, например, генералов Вицлебена, Фалькенхаузена и Томаса, официальных лиц в различных министерских отделах: Донаньи, Мольтке и Попица, и все они пребывали в чудовищном недоумении и раздражении оттого, что их враждебность и непримиримость к Гитлеру по совершенно непонятным причинам игнорируется британцами.

Среди представителей молодого поколения немецких диссидентов выделялся юрист Фердинанд фон Шлабрендорф. Еще со студенческих дней в Галле он боролся с нацистами. В 1928 году он однажды на одной из их встреч рискнул вмешаться в пламенную речь нацистского оратора, после чего был избит штурмовиками.

У Шлабрендорфа существовали исторические семейные связи с Англией. Он был потомком барона Кристиана Фридриха фон Штокмара, англо-бельгийского государственного деятеля, наставника королевы Виктории и устройтелем ее брака с принцем Альбертом. Поэтому антинацистское подполье и решило избрать именно Шлабрендорфа, чтобы тот предупредил Великобританию о грозившей ей опасности. Его специально направили в Лондон донести эту жизненно важную секретную информацию до Уайтхолла¹⁷. Однако в Лондоне Шлабрендорф убедился, что обе стороны Даунинг-стрит для него закрыты. Это показалось ему более чем странным. В конце концов он все же добрался до лорда Ллойда, заметного политика консервативного толка, но не входившего в кабинет Невилла Чемберлена, и до Уинстона Черчилля. Шлабрендорфа принял в Чаруэлле тот, кого по праву считали голосом Великобритании, но у кого в тот период не было ни властных полномочий, ни ответственности.

Шлабрендорф чувствовал себя не в своей тарелке, стремясь довести цель своей миссии в Великобританию до Черчилля. В конце концов, Шлабрендорф был немцем, но не англичанином, и выходило так, что он, по сути, предавал правительство своей страны. На встрече с Черчиллем в его идиллическом загородном доме он начал беседу со слов: «Сэр, я хочу, чтобы вы поняли, что я не нацист. Я – патриот». Широкая улыбка осветила ангелоподобное лицо Черчилля, и тот ответил: «Я тоже».

Как позже вспоминал Шлабрендорф, он заявил Черчиллю, что «внезапное начало войны неизбежно» и что начнется она нападением на Польшу, и не важно, какие усилия должны быть предприняты для ликвидации кризиса.

«Более того, – продолжал посланник оппозиции Германии, – я порекомендовал ему, что сближение сейчас Англии и России было бы весьма уместным, ибо Гитлер, заключив договор со Сталиным, может гарантировать себе спокойствие в тылу».

Но Черчилль ровным счетом ничего не мог предпринять, заполучив подобную информацию. Миссия Шлабрендорфа провалилась.

Но стоило войне на самом деле начаться, как Уайтхолл в конце концов встряхнулся, решив использовать беспрецедентные возможности, которыми столь длительное время пренебрегал. Остер окольным способом через голландцев из самого сердца абвера предоставлял весьма важную информацию, а Лондон даже не предпринял реальной попытки установить надежную связь между своими разведывательными службами и важнейшим источником, организованным Остером и некоторыми его коллегами и друзьями. Теперь Стивенс и Бест в Голландии получили наставления установить контакт с немецким антинацистским подпольем. А немцы-антифашисты, до сих пор игнорируемые Великобританией, теперь стали играть важную роль в стратегических расчетах правительства Чемберлена. Уайтхолл полагал, что угроза войны, столь решительно отклоняемой германскими оппозиционерами, позволит им отстранить Гитлера от власти и покончить с войной еще до ее начала.

Сам Чемберлен через оппозиционеров адресовал примирительное заявление к немцам, пытаясь убедить их, что Великобритания не возложит на них ответственность за деяния Гитлера, если тот окажется ими свергнут. План этот зашел так далеко, что даже был назначен день начала его практического осуществления. Заговорщики должны были поднять восстание в Германии в начале ноября 1939 года, ликвидировать Гитлера, свергнуть его режим и заключить мир с Западом. Существовало несколько вариантов плана заманить фюрера в засаду, и в принципе вроде не было помех, чтобы покончить с войной уже к Рождеству.

Увы, Великобритания и немецкие заговорщики были теперь уже не одни. Как раз тогда, когда Великобритания решилась наконец иметь дело непосредственно с заговорщиками, на заднем плане возникла зловещая тень Рейнхарда Гейдриха. Он был в общих чертах информирован о планах оппозиционеров, но на данном этапе не располагал всеми деталями, необходи-

¹⁷ Уайтхолл – улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

мыми для нанесения решительного удара. Да и с пропагандистской точки зрения тоже было совсем уместным выставить на всеобщее обозрение столь высокопоставленных оппозиционеров и тем самым развеять миф о монолитном германском единстве.

Гейдрих поэтому решил нанести удар по заговору косвенно, избрав целью британскую секретную службу, которая этот заговор спонсировала. О существовании организации Беста и характере британских операций в Голландии Гейдриху было известно во всех деталях еще годом ранее после признаний Вальдемара Пётша в Дании.

Немцы располагали и дополнительной информацией о Стивенсе и Пётше из неожиданного источника: от Ричарда Протце, выдающегося экс-главы III отдела абвера. Протце было уже под семьдесят, когда адмирал Канарис решил отправить его на покой, но уговорил его обосноваться в Голландии и коротать жизнь на свою пенсию там, между делом шпиона за британскими агентами. Таким образом, в 1938 году «Дядя Рихард» перебрался в Вассенар, к северу от Гааги, якобы представляя там немецкие государственные железные дороги.

Как-то летом 1939 года «Дядя Рихард», выглянув из окна своей виллы, увидел на улице незнакомого ему человека. Когда он в течение нескольких следующих дней увидел его несколько раз снова, то решил пригласить его зайти. Этот непонятный тип оказался голландцем по имени Вальбах. Он доверительно сообщил Протце, что, мол, да, он действительно британский агент, работающий на Стивенса и Беста. Вальбах оказался полноватым мужчиной с крупной головой и пронизательным взглядом. Судя по всему, он желал кому-то продаться.

«Сколько вам платят британцы? – поинтересовался Протце, и, когда Вальбах признался, что 700 гульденов в месяц, немец сделал ему предложение: – Я заплачу вам еще 800 в дополнение к тому, что вы получаете от них. Ваша работа будет состоять в том, чтобы держать меня в курсе о британской секретной службе здесь, в Голландии».

Вскоре Вальбах назвал Стивенса как главу Континентальной секретной службы, а Беста – руководителем военной разведки. Вальбах поставлял сведения регулярно и аккуратно, и Канарис объявил обо всем сотрудникам абвера: «Думаю, «Дядя Рихард» пробрался в британскую секретную службу. Он шлет мне потрясающие отчеты из тех мест». Среди контактов Беста был робкий, небольшого роста немец, представившийся доктором Францем и беженцем из рейха. Бест вначале не очень-то доверял этому доктору Францу уже хотя бы потому, что тот был подозрительно словоохотлив, но та уйма информации, которую доктор дал о вермахте, оказалась верной.

В начале сентября Франц, который до тех пор имел дело с Бестом через посредника, потребовал личной встречи с капитаном. Дескать, у него кое-какая важная информация и он должен передать ее только боссу на руки. Вопреки обычной практике и даже вопреки собственной натуре, Бест согласился на эту встречу. Франц пояснил, что эта весьма ценная информация, которую он желает передать секретной службе, исходит от майора люфтваффе Золмса, члена антинацистского подполья. Теперь Золмс располагает сведениями об определенных событиях, которые могли бы привести к свержению Гитлера, но он отказался доверить их доктору Францу. Он поручил ему организовать личную встречу с капитаном Бестом.

Бест предложил Золмсу прибыть в Амстердам или Гаагу. Золмс ответил через Франца, что не может ездить так далеко. Тогда была достигнута договоренность о встрече в Венло, небольшом городе на нидерландско-германской границе.

Золмс оказался дородным, уверенным в себе, вспыльчивым баварцем, который и изъяснялся столь же солидно, как и выглядел. Вскоре выяснилось, что он – мальчик на побегушках, не более того. Вторая встреча была назначена на следующей неделе, и снова в Венло. На этот раз майор вел себя спокойнее и не был столь хвастлив. Он вполне вразумительно изложил суть своей миссии: мол, для осуществления столь дерзновенного плана он остро нуждается в поддержке британцев. Во главе заговора стоит некий генерал – имя он пока назвать не может, – однако цель его ясна: свержение Гитлера. Бест очень осторожно попытался выяснить, правду

ли говорил этот Золмс. И задал ему несколько чисто технических вопросов, и, когда Золмс дал на них вполне резонные ответы, Бест был удовлетворен, что с этим человеком все в порядке. Больше никаких «проверочных работ» в отношении Золмса или доктора Франца не предпринималось. Обоим решили поверить.

В ходе второй встречи был разработан шифр, на котором Золмс будет связываться с Бестом через Франца, обсудили также и места будущих почтовых ящиков в Нидерландах. Несколько дней спустя Франц сообщил Бесту, что ему позвонил по телефону еще один офицер из Германии и шифром сообщил, что Бесту выслано письмо, но только чтобы вручить ему лично для прочтения, а потом снова забрать. Письмо прибыло, Бест ознакомился с его содержанием. Анонимный автор докладывал Бесту, что таинственный лидер заговора, «генерал», был готов встретиться с Бестом лично, при условии, что Бест сможет его убедить в том, что он на самом деле британский агент высокого ранга. К письму также прилагался текст новостей, который должен был быть передан в эфир через немецкую службу Би-би-си. Сообщение это передали дважды 11 октября 1939 года.

Золмс исчез со сцены, мотивируя это тем, что, дескать, на его след напало гестапо. Так что «генерал» будет обсуждать все лично. Поскольку заговор постепенно охватывал и представителей командных кругов, Бест подумал привлечь к работе майора Стивенса. С ходом событий решили ознакомить и генерала ван Оршота, шефа голландской военной разведки, который поручил молодому голландскому офицеру разведки, лейтенанту Дирку Клопу, действовать в статусе его офицера связи.

Наконец Франц сказал Бесту, что «генерал» готов к встрече с ним. Рандеву было назначено на 10:00 19 октября, на этот раз в небольшом пограничном городке Динксперло.

Немцы прибыли в полдень, то есть с двухчасовым опозданием. В группе никакого генерала не было, только двое офицеров лет тридцати или чуть больше, представившихся как лейтенант Зейдлиц и лейтенант Грош. Франц поручился за них. Бест предложил пройти к одиноко стоящему придорожному кафе пообедать. Когда сели за стол, возникла какая-то непонятная напряженность, в особенности взвинченным показался Франц.

Компания привлекала внимание – наихудшее, что может произойти во время конфиденциальной встречи. Бест подумал, а не лучше бы доехать до Арнема, у него там у друга ресторанчик, можно усесться в отдельном кабинете и обо всем нормально поговорить. Надо сказать, что вообще эта встреча представляла собой сплошное нарушение конспирации и агентурных правил. Так как все обставил Бест, это свидетельствовало о его низком профессионализме. Теперь казалось, что все мероприятие обречено закончиться, толком не начавшись.

Компания привлекла внимание и голландского солдата, тот немедля вызвал полицию и сообщил полицейским, что у группы немецких шпионов была встреча, сначала в кафе, а затем в одном доме в Арнеме, где он их и выследил. Полиция окружила дом, ворвалась и потребовала объяснений. Клоп объяснил все полицейским, и они ушли, но все равно продолжать встречу было уже просто нельзя из соображений безопасности. Во время эпизода с полицией эти двое немцев жутко перепугались и даже попытались бежать через окно. Низенький доктор Франц, казалось, готов был хлопнуться в обморок. Однако, судя по всему, ничто не возбудило подозрений Беста.

Вообще-то все эти треволнения были излишними. Оба немца никаких сведений не предоставили. Они были просто уполномочены назначить другую встречу, используя пресловутого вымышленного «генерала» в качестве наживки. Бест согласился, и следующая встреча была назначена на 25 октября, затем отложена до 30 октября. В тот день один только Клоп явился в Динксперло с инструкцией доставить немцев в Гаагу.

«Генерала» в группе по-прежнему не было, но на сей раз прибыло трое офицеров вместо двоих. Зейдлиц не появился, но Грош присутствовал вместе с еще одним субъектом, назвавшимся полковником Мартини, и майором Шемме-лем, который был, по-видимому, старшим

группы. Это был коренастый молодой человек, лет около тридцати, его полудетское лицо покрывали полученные на дуэлях шрамы, так что из-за столь ярко выраженных особых примет он явно для секретных миссий не подходил – уж очень был приметен. Шеммель, хотя и смахивал на человека недалекого, оказался исключительно хорошо осведомлен, и вообще проявил решительность и способность держать ситуацию под контролем.

Шеммель представил ясную и лаконичную картину обстановки в Германии и заявил Бесту, что от имени «генерала» он мог бы гарантировать конец войне, при условии готовности британцев гарантировать Германии достойный мир. Стивенс и Бест уклончиво ответили Шеммелю, сославшись на ожидание соответствующих указаний из Лондона.

Бест передал немцам секретную радиоустановку для упрощения связи. Немцы передали по радио сообщения в центр связи британской разведки в Лондоне, где они были получены двумя радиооператорами, назвавшимися Инменом и Уолшем. Из Лондона сообщения были переданы Бесту.

Бест и Стивенс получили из Лондона инструкции «энергично добиваться решения вопроса» и обращаться с немцами с пониманием, но и в то же время не пренебрегая осторожностью, чтобы в случае провала помочь сохранить лицо правительству его величества. Еще одна встреча в подобном же духе была проведена в Венло 7 ноября (никакого «генерала» и там не было), а потом еще одна, состоявшаяся 9 ноября. Именно ей отводилась роль решающей.

Утро того дня выдалось ненастным и холодным, в осеннем воздухе висел дождь. Погода поубавила энтузиазм Беста, и ему было не по себе и оттого, что вот уже несколько дней за ним ходил по пятам какой-то неприятного вида, физически крепкий субъект, впрочем, Бест не связывал это с заговором.

В 10 часов он зашел домой к Стивенсу и убедился, что и его коллега тоже не в своей тарелке. Майор, подойдя к комоду, извлек оттуда два автоматических браунинга, зарядил их, один дал Бесту, а другой положил к себе в карман. Пока они дожидались Клопа, немцы связались с ними по радио напрямую, а не через Лондон. Бест уже стал подумывать, что речь пойдет в очередной раз об отмене предстоящей встречи, но это оказался обычный запрос об изменении времени радиосеанса. И Бест пришел к заключению, что все в порядке.

Прибыл Клоп, и вместе с водителем Беста, голландцем Яном Лемменсом, все неторопливо направились к Венло. Когда они ехали, разговор зашел о возможности вторжения, и Стивенс вдруг повел себя более чем странно, в особенности если принять во внимание характер данной встречи – взял карандаш и листок бумаги и кратко записал список контактов, с которыми он должен будет выехать из Голландии в случае вторжения. Был ли этот список при нем в кульминационный момент или же нет, об этом мог сказать лишь сам Стивенс. Бест надеялся, что Стивенс все же успел уничтожить его.

В начале пятого вечера группа прибыла к месту встречи. Это было кафе «Бахус», здание из красного кирпича, всего в 200 метрах от границы. Никого не было видно, но Бест заметил, и это было впервые на его памяти, что пограничный шлагбаум на немецкой стороне поднят.

На веранде второго этажа «Бахуса» Бест заметил майора Шеммеля и увидел, как тот махнул кому-то рукой.

Он подумал, что майор подзывает его подъехать поближе к кафе, но, как только он остановился, тут же услышал звук выстрела и крики. К кафе ринулся большой зеленый открытый автомобиль и остановился, врезавшись в бампер автомобиля Беста. Машина была битком набита какими-то незнакомыми людьми, двое из которых с автоматами в руках восседали на капоте.

Стивенс наклонился к нему и произнес: «Боюсь, нам конец, Бест!» В следующую секунду обоих британцев скрутили и защелкнули на них наручники. Довольно нелюбезно их доволокли до германской территории, а потом шлагбаум не спеша опустился.

Водителя, Яна Лемменса, вели последним, а вот Клопа не было видно. Выяснилось, что молодой офицер пытался бежать, но едва он исчез в кустах, как немец заметил его и дал очередь, смертельно ранив.

То, что Бест и Стивенс должны были заметить с самого начала, – это как неуклюже немцы играли свою роль – их «заговор» оказался примитивнейшей немецкой ловушкой. Идея ее созрела в изобретательном уме Гейдриха. Выполнение операции было возложено на восходящую звезду службы безопасности – 28-летнего Вальтера Шелленберга, холодно-расчетливого интеллектуала с массой талантов для работы в секретной службе.

Шелленберг и был «майором Шеммелем». «Я признаю, – позже писал Бест, – что это он обвел вокруг пальца нас со Стивенсом, когда мы встретились с ним в Голландии, но самое удивительное то, что этот человек был прекрасно осведомлен обо всем. Кроме того, у него просто конспирологический дар, как доказывают дальнейшие события, он никому не доверял и никому не доверился».

Гейдрих одержал весьма заметную победу, хотя и не сумел выйти на германскую оппозицию. Стивенс и Бест скорее лишь коснулись заговора и его истинных вдохновителей и предводителей и, соответственно, мало что могли рассказать на длительных допросах Шелленберга. Но они находились в сердцевине шпионской деятельности, направленной на Германию рулевыми британской шпионской сети в рейхе.

Инцидент выявил несоответствие британской секретной службы требованиям времени, некомпетентность ее ведущих специалистов. Наивность, по причине которой Стивенс и Бест угодили в западню Шелленберга, указывала на то, что они были отнюдь не идеальными кадрами для столь тонкой игры, а просто-напросто исчерпавшими ресурс авантюристами, годными разве что для ухода на покой.

Удар Шелленберга возымел далеко идущие последствия на отношении Уайтхолла к тайной войне, напрочь отбил охоту у разочарованной и озлобленной британской секретной службы когда-либо вновь связываться даже с самыми, казалось, надежными и ценными немцами, сулившими им немислимые дары. Но в то же время эпизод на нидерландско-германской границе имел и благотворный эффект. Он привел пусть к запоздалой, но фундаментальной реорганизации британской разведслужбы.

Провал этот встряхнул британское самодовольство до самых оснований, но завершающим ударом был тот самый радиопередатчик, которым управлял Шелленберг. Когда Стивенс и Бест были надежно упрятаны в подвалы на Принц-Альбрехтштрассе, Шелленберг использовал радиоустановку для отправки последнего сообщения в Лондон. Оно гласило:

«Длительное, да и кратковременное общение с тщеславными и неумными людьми – дело невероятно скучное. И Вы поймете, почему мы решили бросить это занятие. Сердечные Вам приветствия от любимой Вами немецкой оппозиции.

Гестапо».

В Лондоне сообщение было надлежащим образом записано британским оператором, который принял его с вежливым «Спасибо» и, как обычно, добавил свое имя – Уолш.

Глава 6

Сети, радиогры и подлодки

В начале 1937 года Гитлер дал Канарису зеленый свет на создание шпионской сети в Великобритании, и переполненный энтузиазмом адмирал без промедления взялся за дело. Оперативная ответственность была возложена на полковника Карла Буша, старого офицера разведки, который возглавил англо-американское отделение абвера.

Буш выстроил не одну, а две отдельные агентурные сети в Великобритании. Первая состояла из относительно малозначительной агентуры. В нее входили сотни немецких девушек, работавших горничными в семьях высокопоставленных британцев. Как другие шпионы, эти девушки прошли соответствующую подготовку в школе абвера в Гамбурге, где изучали самые разнообразные вещи – от приготовления английского ростбифа до управления радиопередатчиком.

Буш рассматривал эту сеть как полезную, но не рассчитанную на длительное и многократное использование. Ее задачей было собирать доступную информацию, но ее главная цель состояла в том, чтобы действовать в качестве гигантской приманки. Буш рассчитывал, что она отвлечет на себя основную массу внимания хронически недоукомплектованных британских агентств контрразведки и что вторая и намного более важная сеть не будет обнаружена.

Большинство членов сети № 2 бездействовало. Они должны были занять ключевые позиции в Великобритании, но не выполнять никакой работы мирного времени до тех пор, пока не им не подвернется нечто весьма и весьма важное. Только с началом войны они распакуют тщательно спрятанные радиопередатчики и вступят в бой.

К 1939 году обе сети функционировали согласно плану. И обе были известны британским контрразведчикам, благодаря одной парикмахерше из Данди, Шотландия. Некая миссис Джесси Джордан, вдова и представительница среднего класса, средних же лет, вела однообразную и заурядную жизнь на Кинлок-стрит в Данди. Сама она была шотландкой и средненькой во всех отношениях: средненький дом, средненькое трудолюбие. Скучнейшее создание. Ее парикмахерский салон считался фаворитом у всех леди по соседству.

Г-жа Джордан пользовалась благосклонностью почтальона, поскольку не скупилась на чаевые. У нее имелись причины не скупиться. Люди типа миссис Джордан обычно получают немного писем, но она была исключением – все адресованные ей были исключительно тяжелыми, настолько увесистыми, что это не могло уйти от внимания почтальона, который, не раздумывая, доложил об этом начальству. Его отчет в конце концов лег на стол крупного, широкоплечего, чрезвычайно строгого вида полковника Хинчли Кука из кабинета 505 военного министерства. Именно в этом кабинете и разместилась МИ-5, служба контрразведки.

Миссис Джордан была подвергнута осторожному контролю, и скоро Кук узнал кое-какие любопытные факты о ней. Он узнал, например, что она была вдовой немца, погибшего за кайзера в Первую мировую войну. Еще выяснилось, что упомянутая миссис несколько раз в 1937 году тайно посетила Германию. Несмотря на ее утверждения, что, дескать, все ее родственники жили на Британских островах, она получала письма из Соединенных Штатов, Франции, Голландии и даже Южной Африки. И всегда отправляла ответы всем этим дальним адресатам.

Почту миссис Джордан аккуратно вскрывали, и то, что полковник Кук вычитал из них, убедило его, что эта вдовушка – центральный почтовый ящик обширной германской шпионской сети. Женщину арестовали, судили и дали 4 года тюрьмы.

Как обычно в подобных случаях, были подготовлены карточки на людей, предположительно имевших отношение к сети. Имена их выдала на допросах миссис Джордан. Их решили

пока не арестовывать. И правильно сделали – в конце концов, они сами вывели британских контрразведчиков на других подозреваемых. Так в свое время «Иорданское дело» вывело на множество подозреваемых. И сейчас полковник Кук вздохнул с облегчением.

На счастье Кука, солидные сети Буша засветились и в других местах. В Портслейде, в Суссексе, жил отставной офицер британской армии, Эрвин Бэтли, имевший не совсем обычное хобби. Он был буквально влюблен в холмистую местность Суссекса и, став своего рода экспертом в этой области, провел годы, изготавливая уникальные контурные карты, впоследствии ставшие знаменитыми.

Однажды в 1938 году в дверь к нему постучался молодой человек, представившийся как путешествующий пешком немецкий турист, и попросил капитана Бэтли предоставить ему кое-какие его известные карты. Капитан проинформировал об этом визите местного констебля в Портслейде, а тот – МИ-5. Контрразведчики решили не прерывать «отдыха» немца», но взяли его на заметку. И не ошиблись – молодой немец вывел контрразведчиков полковника Кука на шайку немецких агентов.

Приблизительно в то же время британский подданный по имени Джозеф Келли был пойман с поличным и обвинен в шпионаже в пользу Германии. Келли работал каменщиком и помогал возводить оборонительные сооружения. Он имел доступ к проектам и продал несколько копий нацистам. До его ареста он также привел МИ-5 к нескольким из своих коллег. Среди них был Вальтер Рейнхардт, один из высокопоставленных германских шпионов, официально занимавший должность немецкого консула в Ливерпуле. Рейнхардт был вскоре выслан из страны, но до отъезда тоже помог пополнить картотеку в кабинете полковника Кука.

Куда более серьезным, чем перечисленные случаи, ставшие явными скорее благодаря случайным стечениям обстоятельств, стала тщательно разработанная в стенах МИ-5 операция. От проваленной агентуры полковник Кук узнал, что немецкие агенты проходили подготовку в школе абвера в Гамбурге. МИ-5 решило внедрить своего человека в упомянутую школу. И тот, кому предстояло внедриться, был молодым британским лингвистом.

Ему удалось устроиться на работу в школу абвера, где он стал преподавать разговорный английский язык немецким шпионам, собиравшимся отправиться в Англию. И теперь МИ-5 получила возможность организовать каждому прибывавшему из Германии «туристу» должный прием. Их не арестовывали, но все они оказывались под пристальным наблюдением. За выявленным шпионом можно спокойно наблюдать и кормить его дезинформацией, тогда как если он арестован, его, скорее всего, просто заменят другим агентом, и пройдет время, пока этот другой агент будет разоблачен, если вообще будет разоблачен. Однако в данном случае задержания, тем более многократные, учеников молодого лингвиста неизбежно возбудили бы подозрения абвера к преподавателю.

У этого отважного молодого человека имелись средства предупреждения МИ-5 о поведении немцев. Излюбленный метод предупреждения основывался на врожденном чувстве юмора молодого преподавателя. Агенты, которым предстояло длительное время жить среди англичан, обязаны были пройти курсы нравов и обычаев Англии. На занятиях он не уставал повторять, что эти степенные и уравновешенные британцы – большие любители респектабельности, и, будучи нацией лавочников, и респектабельность склонны измерять в фунтах, шиллингах и пенсах.

И предложил своим курсантам, когда те явятся в Великобританию, первым делом отправиться в ближайшее почтовое отделение и открыть там почтовый сберегательный счет. Но, предостерег он, этого мало. Респектабельность должна была быть продемонстрирована, заметна для других, и в первую очередь в ней им предстоит убедить полисменов. Поэтому предложил, чтобы они «потеряли» свои сберкнижки и тут же заявили о потере в полицию, которая, таким образом, убедилась бы, что они не просто голытьба, а люди со средствами. Среди его учеников нашлись и такие, кто последовал его совету. Таким образом, любой поте-

рванный сберегательную книжку и сообщивший об этом в полицию автоматически включался в список подозреваемых МИ-5.

Вот такими остроумными способами МИ-5 и составляла список немецких агентов. Накануне войны у МИ-5 и полиции безопасности Скотленд-Ярда было более-менее неплохое представление о структуре обеих сетей. Поговаривали, что пресловутые сети насчитывали как минимум 3000 немецких шпионских «акул» в Великобритании, из которых приблизительно 400 квалифицированных агентов относились к сети № 1 полковника Буша и 35 ключевых агентов – к сети № 2. Остальные были мелкотой: фрилансерами, осведомителями, пронацистски настроенными болтунами или просто людьми недалекими.

Если МИ-5 и полиция безопасности и добивались успехов, то это происходило за счет того, что старая система была хорошо отлажена, и отчасти потому что те, кто теперь управлял ими, были людьми исключительно компетентными. МИ-5 возглавлял один из выдающихся британских специалистов по шпионажу, солидный человек, сквайр из Стаффордшира Вернон Джордж Уолдегрэйв Келл, один из самых по-настоящему загадочных людей. Хотя он 40 с лишним лет провел (некоторые из этих лет на самом деле весьма таинственны) на службе своей страны, он был практически неизвестен своим соотечественникам.

В Нью-Скотленд-Ярде (официальное название всем известного Скотленд-Ярда) Норман Кендал и комиссар Рональд Хоу, тонкогубые боссы с рыбьими глазами и строгим выражением лица, как и подобает представителям Департамента уголовного розыска, были коллегами генерала Келла. А за стенами кабинетов истинной Немезидой для иностранных шпионов был Кук, сотрудничавший с помощником комиссара Альбертом Кэннингом, который возглавил полицию безопасности Скотленд-Ярда, организацию, наиболее близкую британской идее секретной политической полиции. Увлекавшегося костюмчиками в полоску и галстуками в горошек, неизменно огромными и надвинутыми на нос фетровыми шляпами Кэннинга без труда можно было принять за адвоката средней руки.

Когда Гитлер напал на Польшу, и МИ-5, и полиция безопасности тоже были подняты по тревоге. 3 сентября, незадолго до истечения срока британского ультиматума, кодовое слово было передано в военное министерство и Скотленд-Ярд. Началась большая охота на шпионов. Это была нечеловеческая работа. Списки подозрительных лиц выросли почти до 75 000 человек. Не все они были шпионами, но шпионы среди них определенно имелись.

В течение ночи с 3 на 4 сентября инспекторы и специальные агенты Скотленд-Ярда, вместе с приблизительно 2000 детективами и полицейскими в форме, сделали тысячи звонков. Еще до рассвета 435 человек получили вежливые приглашения пройтись в обществе офицеров или лиц в штатском в места, где уже все было готово к их встрече. За последующие дни, недели и месяцы было рассмотрено 73 235 случаев подозреваемых и обнаружено еще 569 иностранных агентов.

В отношении примерно 6000 человек сотрудники МИ-5 и CID¹⁸ не могли сказать ничего определенного, но вот только времена были не те, чтобы помнить о презумпции невиновности. Действие закона «О неприкосновенности личности» было на определенный период приостановлено. Подозреваемым строжайше предписали до минимума ограничить передвижение.

Число засланных Канарисом в Великобританию шпионов было ненамного больше, чем пойманных Келлом и Кэннингом. Две феноменальные агентурные сети полковника Буша были просто разгромлены, причем как раз тогда, когда они были нужнее всего. Это стало первым крупным поражением Канариса.

В Германии был человек с внешностью голливудского актера, исполняющего роль офицера германской разведки, гауптман Герберт Вихман. Это был высокий и сильный мужчина, с короткой стрижкой на прусский манер, со шрамами на лице, и в то же время, невзирая на габа-

¹⁸ Департамент уголовного розыска (Criminal Investigation Department).

риты, ловкий, гибкий, верткий. Особым умом Вихман не отличался, но зато был исполнительен и скромнен – ну, просто образец самоотверженного офицера германской армии. Он отвечал за британский отдел абвера. Какое-то время после внезапного начала войны Вихман просидел в надежно охраняемом кабинете связи гамбургского радицентра, дыша в затылок радисту, рассылавшему заранее подготовленные сигналы агентам в Великобритании и Франции. Кодовое слово, повторяемое снова и снова с промежутками, призывало агентов немедленно начать бой и работать впредь в меру своих способностей и согласно имеющимся инструкциям.

Капитан Вихман не мог вообразить и не имел никаких оснований подозревать, что его британская сеть фактически в полном составе сидела не у радиоприемников, а за решеткой «Уормвуд скрабз», известной тюрьмы, которой МИ-5 завладела на какое-то время. И он не удивился, когда стали приходить ответы. Правда, за радиопередатчиками сидели не немцы, а радисты британской секретной службы. За долгие дежурства дотошные англичане научились копировать радиопочерк немецких агентов. Это характерное прикосновение – основной опознавательный знак агентов, работающих на передачу. Англичане столь блестяще симитировали все нюансы работы на ключе немцев, что радиооператоры абвера ничего не заподозрили.

Продолжение работы в эфире после провала и ареста шпиона – один из излюбленных шпионских приемов, уловка, которая хоть и стара как мир и широко распространена, но все же по-прежнему эффективна. Немцы изобрели слово «Funkspiel» – буквально «радиоигра».

Англичане продолжали эту радиоигру в течение 15 месяцев, все это время Канарис чувствовал себя в безопасности и его переполняло самодовольство. Он даже похвастался графу Чиано из Италии своей гигантской сетью в Англии, упомянув с особой гордостью одного агента, который делал до 25 радиосеансов в сутки. Насколько немцы знали, только один из их ключевых агентов пропал, и вину в этом досадный несчастный случай.

Регулярно прослушивая в начале сентября большую сводку новостей, один брокер, проживавший в лондонском пригороде, как обычно настроил приемник на 9-часовые новости Би-би-си и очень был недоволен странными наводками, происходившими будто строго по графику, продолжаясь ровно 7 минут, с 9:02 до 9:09, и так четыре вечера подряд. Он сообщил об этом в полицию. Скотленд-Ярд отправил в пригород фургон с соответствующим пеленга-ционным оборудованием. Определить местонахождение передатчика много времени не заняло. Сигналы поступали из одиноко стоявшего дома. Именно оттуда кто-то посылал слабые сигналы азбуки Морзе на незарегистрированном радиопередатчике.

Владелец дома был кротким низкорослым правительственным клерком, короче говоря, точь-в-точь «человек зонтика», как выразился бы Диккенс. При обыске детективы обнаружили источник наводок – радиопередатчик незнакомого им типа. Трубка, и все. И 3 небольшие батарейки. Аппарат вместе с питанием и передающим ключом весил всего 4 фунта (около 2 кг). Это был известный Afu, миниатюрная «коробка шептания», посылавшая очень слабые сигналы. Хотя их было едва можно поймать в Англии, зато их уверенно принимала специальная приемная аппаратура на станции связи абвера под Гамбургом.

Клерка тут же поместили в «Уормвуд скрабз», но рацию оставили. Сигнализатор секретной службы продолжал посылать сообщения, используя его шифр. Однажды в сильном волнении британский агент радировал Вихману, что, мол, ему стала доступна информация предельной безотлагательности, настолько важная, что он не решается передать ее в эфир, и спросил разрешение гауптмана прибыть в Германию и доставить сведения лично.

Это была не совсем обычная просьба и требовала рассмотрения на высоком уровне. Вопрос с вывозом агента к кругу простых не принадлежал. Наилучшим средством переброски агента из Англии в Германию была подводная лодка, но флот Дёница был крайне нужен в других местах. Тем не менее Канарис уговорил Гитлера, и тот отдал соответствующий приказ – выделить в распоряжение абвера подводную лодку.

В начале октября агенту передали по радио инструкции; его заберут в первую же безлунную ночь в отдаленном, скалистом заливе на побережье Уэльса.

В 2:00 в назначенную для проведения этой операции ночь с берега стали сигналить тонкими лучиками света с интервалом – 10 минут. Час спустя на берегу заметили ответный световой сигнал: подводная лодка прибыла.

Внезапно вспыхнул яркий свет. Мгновение спустя раздались звуки боя. Находившиеся в засаде британские эсминцы дожидались прибытия подлодки, и каких-нибудь десять минут спустя она была потоплена.

Гауптман Вихман так никогда и не узнал, что произошло. Когда агент замолчал, а лодка пошла ко дну, предположили, что ее просто случайно выследили англичане и приняли соответствующие меры. После этого инцидента адмирал Дёниц очень долго отказывался предоставлять абверу подводные лодки.

Глава 7

Солома на северном ветру

В перечне предателей майору Видкуну Квислингу отведена достойная страница. Отчасти потому, что его предательство было масштабным, и еще потому, что его побуждения, мягко выражаясь, были не совсем понятны. Квислинг был предателем, но предателем вечно колеблющимся, сам он себя таковым не признавал. Он рассматривал себя как перевоплощение Харальда Завоевателя, которому божественной волей было предначертано привести норвежцев в некую Землю обетованную. Что это была за земля и как он планировал туда добираться, Квислинг и сам не знал.

Он родился в 1887 году в Фюресдале, Норвегия, в семье деревенского проповедника. Это была настоящая глушь – медведи всюду бродили по местности. Квислинг довольно рано покинул отчий дом, но его «варварское место рождения» не давало ему покоя, поселив в нем комплекс неполноценности вкупе с ложным чувством превосходства. Мальчишку распирало от идей человеколюбия. «Еще мальчиком, – признался он когда-то, – мне хотелось проповедовать по воскресеньям и исцелять людей по будням». Но вместо проповедников и лекарей он подался в кадровые военные.

В военном училище он демонстрировал чудеса работоспособности, упорства, успеваемости и дисциплины, но Видкун был упрям, молчалив и замкнут – жил в непроницаемой раковине. Ему не исполнилось и 30 лет, когда он получил звание капитана в Генеральном штабе норвежской армии; потом его назначили военным атташе в Санкт-Петербурге и Гельсингфорсе. Российская революция вызвала в нем сильнейший эмоциональный подъем, и в 1921 году он, решив расстаться с армией, стал помощником Фритьофа Нансена, великого гуманиста, посвятившего себя проблемам российских голодающих. В 1927 году он вернулся в норвежское дипломатическое представительство в России и в период разрыва англо-советских дипломатических отношений представлял британские интересы в СССР.

Несмотря на всеми признанные блестящие успехи в работе, Квислинг постоянно ставил в тупик даже тех, кто, казалось, был ближе всех к нему. Когда Нансен спросили о его помощнике, тот заметил: «Я не знаю Квислинга, поскольку не могу понять его».

В конце 1920-х годов карьера Квислинга постепенно сошла на нет. В нем росло убеждение, что стал жертвой заговора. Из угрюмой, добровольной самоизоляции он на ощупь стал пробираться к другим, сформировал тайное братство недовольных патриотов. Одним из таких был некий Хагелин, преуспевающий торговец из Осло; другим – полковник Конрад Сунло, командующий гарнизоном Нарвика, мечтатель тоталитарного пошиба, засевавший в своей арктической крепости.

Квислинга охватила зоологическая ненависть к большевизму, который он расценивал как еврейский заговор в 1933 году (он сформировал и возглавил партию «Национальное единение»). В 1931 году его назначили министром обороны в коалиционном правительстве, и Квислинг не замедлил воспользоваться этим постом для осуществления личных устремлений. Он был замешан в великом множестве совершенно непонятных заговоров, пока терпение его не отличавшихся экстремизмом земляков не исчерпалось и они не изгнали Квислинга из правительства.

Именно на этой, наиболее неудачной, стадии его карьеры нацисты, в поисках единомышленников и союзников за рубежом, и разыскали его. Квислинга «открыл» Альфред Розенберг, интеллектуальный кондотьер, всегда интересовавшийся сидевшими не у дел заговорщиками.

В 1938 году секретарь Розенберга, Тило фон Трота, прибыл в Осло, якобы как частное лицо, как турист, где встретился с Квислингом. Самозванный «Норвежский Колосс» произвел на фон Троту впечатление одинокого волка, к тому же трудного в общении, и эта встреча закончилась безрезультатно. Но в 1939 году ситуация кардинально изменилась – Квислинг решил восстановить контакт с Розенбергом. По приглашению Розенберга он совершил поездку в Берлин, где встретился с Розенбергом в его доме в Далеме (район Берлина на юго-западе города), куда майора норвежской армии доставили в лимузине с занавешенными окнами.

Под воздействием щедрых порций аквавита¹⁹ у Квислинга развязался язык, Квислинг вовлек гостеприимного хозяина в рассуждения, которые надолго запечатлелись в его памяти. Норвежец искренно порицал Германию за отсутствие интереса с ее стороны к его родине. «Он указал, – докладывал Розенберг позже Гитлеру, – на решающее геополитическое преимущество Норвегии в Скандинавском регионе и преимущества, полученные властью страны с возможностью контролировать норвежское побережье...» Квислинг также просил поддержать его партию и партийную печать в Норвегии, обосновав эту просьбу «пангерманской» идеологией. Розенберг согласился оказать ему эту поддержку.

В августе 25 членов партии «Национальное единение» Квислинга тайно доставили в Германию на двухнедельные курсы изучения методологии нацистской активности. В то же время Розенберг пытался торговать вразнос услугами Квислинга с различными немецкими агентствами. Он пытался заинтересовать этим норвежцем личный секретариат Гитлера и также Геринга, последнего Розенберг приманивал возможностями использования в Норвегии посадочных площадок для люфтваффе. Какое-то время особого интереса к Квислингу не проявляли. Розенберг был озадачен – пообещал Квислингу финансы, а его собственное ведомство значительными фондами не располагало.

Наконец осенью 1939 года он нашел клиента для своего протеза: адмирала Шнивинда, начальника штаба гросс-адмирала Редера. Редер давно тосковал по выходу в Северное море и видел в Норвегии идеального партнера. Уже 10 октября 1939 года гросс-адмирал пытался уговорить Гитлера вторгнуться в Западную Скандинавию, но Гитлер был слишком занят другими планами. Тогда адмирал избрал обходные пути, и, когда Шнивинд рассказал ему о доступности Квислинга, Розенберг усилил нажим на нацистский аппарат и весьма красноречиво расписал Квислинга чуть ли не как героя Норвегии, обрисовал в общих чертах то, что этот единомышленник мог бы сделать для германских военно-морских сил.

«Согласно его плану, – писал Розенберг, – несколько специально отобранных норвежцев должны пройти в Германии подготовку, чтобы иметь возможность выполнять возлагаемые на них задачи. Эти люди получают точные указания, и им будет оказана помощь со стороны опытных членов нацистской партии. Затем они вернуться в Норвегию, где будет разработан окончательный план действий. Намечается быстро захватить в свои руки контроль над некоторыми районами Осло, в то время как немецкий флот появится у норвежской столицы по просьбе норвежского правительства (то есть правительства Квислинга)».

Далее Розенберг отметил, что «Квислинг не сомневается в успехе и рассчитывает на полную поддержку руководства норвежской армии, с которым у него уже налажен контакт».

Редер попросил Розенберга пригласить Квислинга в Берлин. 11 декабря Квислинг и Хагелин прибыли в немецкую столицу. Квислинг потребовал от своих немецких партнеров решительных действий, чтобы их не сумели опередить англичане.

Редер решил представить Квислинга Гитлеру. 16 декабря майора Квислинга представили фюреру. Встреча носила явно сентиментальный уклон – «нордический дух», заверения в верности и т. д. Однако Квислинг остался недоволен результатом визита к Гитлеру. И даже сам фюрер показался ему каким-то скользким и в целом произвел на него негативное впечатление.

¹⁹ Аквавит – скандинавский алкогольный напиток крепостью 37,5-50 %.

И что самое главное, Квислинг был неприятно удивлен пактом, который Гитлер заключил со Сталиным, и недоволен тем, что фюрер, по мнению норвежца, уж слишком всерьез воспринимал этот договор и ни в какую не желал пофантазировать на тему германо-русского военного конфликта.

Причина недоверия Гитлера заключалась в его невежестве и хитрости. Недоверие, с которым Гитлер отнесся к Квислингу, объяснимо. Фюрер мало знал его и к тому же никогда раньше серьезно не задумывался о вторжении в Скандинавию. Кроме того, Гитлер не хотел открывать своих карт иностранцу, о котором мог судить только со слов Редера и Розенберга. Он даже подозревал, что Квислинг, возможно, ведет двойную игру, является агентом союзников и стремится из первых рук получить информацию о планах Германии.

Вернувшись в Имперскую канцелярию два дня спустя, Квислинг нашел Гитлера более любезным и сговорчивым. Фюрер согласился создать при штабе Редера специальную группу для изучения предложений и планов Квислинга. Политическими вопросами должен был заняться Розенберг. Военные мероприятия поручалось разработать военно-морскому атташе капитану 2-го ранга Шрайберу совместно с Квислингом. С точки зрения Квислинга, самым важным было обещание Гитлера предоставить ему 200 тысяч марок из фондов министерства иностранных дел. Однако министерство иностранных дел отказалось субсидировать Квислинга, считая его банкротом, который готов продать свою страну, но не в силах распорядиться ею. Несмотря на отчаянные усилия, Розенбергу так и не удалось получить этих денег для Квислинга.

На этом дело с Квислингом кончилось. Квислинг вошел в историю как человек, предавший свою родину немецким фашистам, но в действительности он не сыграл никакой роли в установлении немецкого контроля в Норвегии. Это произошло вовсе не потому, что Квислинг не хотел помочь нацистам. Дело в том, что немцы просто не нуждались в его услугах.

До января 1940 года Канарис ничего не знал о переговорах, которые Квислинг вел с Розенбергом и Редером. Абвер вступил в игру только тогда, когда было получено донесение от одного из агентов в Меце. 4 января этот агент узнал, что французская горнострелковая дивизия снята с позиций на линии Мажино и переброшена в Англию для возможного использования в Финляндии против русских или в Норвегии для захвата Нарвика.

Это донесение попало сначала к начальнику передовой базы ВМС в Гамбурге, а тот немедленно переслал его Канарису. Канарис, в свою очередь, счел необходимым информировать об этом Гитлера. Сведения о предполагаемой высадке союзных войск в Норвегии, по-видимому, заставили фюрера изменить свое отношение к планам действий в Скандинавии. Гитлер не интересовался Норвегией, но в то же время был полон решимости не допустить захвата ее союзниками.

С этого момента Норвегия постоянно находилась в центре внимания абвера. Когда началось планирование операции «Везерюбунг» («Учения на Везере») и была сформирована специальная группа офицеров вермахта для выполнения этой задачи, Канарису удалось добиться назначения своего ставленника, капитана 3-го ранга Лидига, на пост начальника разведки в этой операции. Лидиг руководил деятельностью обширной шпионской сети в Норвегии. Его агенты вели наблюдение за всем, что происходило в Осло, Бергене, Нарвике и других важнейших портах страны. Им была поставлена задача собирать информацию о движении судов, и прежде всего конвоев, отправлявшихся в Англию. С этой задачей агентам Лидига справиться было нелегко. Капитаны судов получали данные о маршруте следования и пунктах назначения всего за несколько часов до отплытия. И все же агенты Лидига действовали успешно. По утверждению абвера, полученные от Лидига сведения позволили самолетам люфтваффе и немецким подводным лодкам за несколько месяцев 1939–1940 годов потопить суда союзников общим водоизмещением 150 тысяч тонн.

Получив специальные указания от руководства операцией «Везерюбунг», Лидиг выехал в Норвегию, чтобы лично руководить расширением шпионской сети. Вскоре агенты абвера вели сбор информации по всей территории Норвегии.

По мере развертывания подготовки к операции «Везерюбунг» интерес немцев к Квислингу таял буквально на глазах удивленного норвежца. Даже Розенберг вынужден был признать, что Квислинг мало чем мог помочь немцам. Гитлер, по-видимому, и не вспомнил о Квислинге, когда 1 марта 1940 года приказал Верховному командованию быть в готовности оккупировать Норвегию и Данию. Фюрер не возлагал никаких надежд на Квислинга и тогда, когда отдавал распоряжение начать вторжение в Скандинавию в 5 часов утра 9 апреля 1940 года. Один небольшой эпизод, происшедший в Осло незадолго до вторжения немцев в Норвегию, вероятно, заставил Гитлера вспомнить о его первоначальных сомнениях в отношении Квислинга.

26 марта немецкий военно-морской атташе Рихард Шрайбер сообщил из Осло, что норвежские войска противовоздушной и береговой обороны неожиданно получили разрешение открывать огонь без согласования с высшим командованием. По мнению Шрайбера, это было вызвано тем, что норвежцы каким-то образом узнали о планах немцев. Военно-морской атташе считал, что проболтался кто-то из квислинговцев.

С этого момента Квислинг уже больше не получал информации от немцев. 4 апреля он выехал в Данию для консультации с одним немецким генералом. Во время беседы немец вынудил Квислинга признаться, что грандиозный план захвата власти в стране провалился. Квислинг буквально умолял гитлеровского чиновника как можно быстрее начать вторжение в Норвегию. Генерал и раньше считал Квислинга болтуном, теперь же он отвернулся от него – такого бесстыдного предательства не мог вытерпеть даже убежденный нацист.

Таким образом, Квислинг потерял всякую возможность влиять на ход операции. Розенберг был отстранен от участия в планировании, а руководителем операции вместо Редера назначили генерала фон Фалькенхорста, который не пожелал иметь дело с болтуном. По указанию министерства иностранных дел, немецкий посланник в Осло Брейер попытался тайно привлечь к прогерманской деятельности короля Хаакона VII и министра иностранных дел Коота, давно симпатизировавшего нацистам и способного, по их мнению, возглавить коалиционное правительство страны после вторжения немцев.

В 4 часа утра Шрайбер облачился в парадную форму и отправился в порт, чтобы встретить приближавшиеся к берегам Норвегии немецкие военные корабли. По пути в порт автомашина Шрайбера проехала мимо английского посольства, и он обратил внимание на дымок, тонкой струйкой поднимавшийся над двором посольства. «Жгут документы», – подумал Шрайбер, ухмыльнувшись. Но атташе в то утро напрасно ждал свои корабли. В Осло-фьорде норвежские батареи, выполняя приказ, открыли огонь по появившимся вблизи берега кораблям немецкого флота. Корабли, которых ждал Шрайбер, были либо потоплены, либо получили тяжелые повреждения и с трудом удерживались на плаву²⁰.

В 9 часов 30 минут Шрайбер покинул порт. Вернувшись в посольство, он попытался связаться с Берлином по радио, но это ему не удалось. Тогда атташе отдал приказ начать уничтожение документов, ибо с минуты на минуту ждал появления полиции, сознавая, что Квислинг не добился успеха в своей попытке совершить переворот в стране.

После полудня в норвежской столице высадился немецкий десант. Правительство бежало из столицы на север страны. Король последовал за правительством.

²⁰ В самом узком месте фьорда, дефиле Дребак, норвежские батареи, включая 280-мм пушки и 2 305-мм пушки, с дистанции всего 500 м добились ряда прямых попаданий в тяжелый крейсер «Блюхер» и броненосец (так называемый «карманный линкор») «Лютцов». «Блюхер», получивший свыше 20 попаданий снарядов и 2 торпеды, выпущенные норвежцами из размещенной в скальном укрытии установки, затонул, «Лютцов» был сильно поврежден, но выполнил задачу, высадив десантников, которые в течение 10 апреля взяли все внутренние и внешние береговые укрепления.

В 5 часов вечера, когда город был уже фактически полностью захвачен немецкими войсками, Квислинг наконец выполз из своей норы. Влияние этого предателя было настолько незначительным, что многие немецкие генералы даже не слышали этой фамилии. Когда генерал Эбергарт прибыл в Осло и обосновался в «Гранд-отеле», Квислинг занимал номер на третьем этаже этой гостиницы. Он явился к немецкому генералу и представился как новый премьер-министр страны. Эбергарт ничего не знал о Квислинге и потому решил навести о нем справки в немецком представительстве в Норвегии у посланника Курта Брейера, который, между прочим, чувствовал себя сильно посрамленным, после того как ему не удалось добиться от Коота и короля согласия на сотрудничество. Посланник видел в Квислинге последний шанс спасти свою репутацию. Поэтому на вопрос Эбергarta, как поступить с Квислингом, Брейер ответил: «Да, этот человек действительно является новым премьером».

Жестокий режим, установленный Квислингом в стране, лишь нанес ущерб положению немцев в Норвегии. Квислингу не удалось поставить норвежцев на колени, и он во второй раз подвел своих хозяев.

В Дании у немцев не было Квислинга. Но там был более предприимчивый человек – Франц Лидиг. Этот хитрый и ловкий шпион показал, что является незаурядным завоевателем и стратегом.

Лидиг жадно читал все, что касалось разведслужб, и среди его любимых книг была небольшая по объему книжонка, вышедшая в свет в 1931 году и написанная итальянцем Курцио Малапарте. Название: «Государственный переворот: Техника революции». Первая глава этой книги – «Большевистский государственный переворот и тактика Троцкого» изложила достаточно недостоверный отчет о захвате Петрограда большевиками в октябре 1917 года.

По словам Малапарте, Ленин запланировал свергнуть российский демократический (после свержения царя в ходе Февральской революции) режим, прибегнув к манифестациям и обычным средствам революции, однако Троцкий утверждал, что того же результата можно достичь всего с горсткой террористов и саботажников, парализовав работу правительства, отключив его от внешнего мира. Малапарте, описывая переворот по Троцкому, не скупится на восторженные тона (хотя описание насквозь фиктивно), детально описывает, как Троцкий выполнил задачу, как отправил своих людей практиковать переворот «невидимыми маневрами», как его агенты определили местонахождение самых чувствительных центров правительства – телефонных станций, электростанций, даже отдельных железнодорожных поездов – и как они в конечном итоге нанесли удары. Вместо перемещения людских масс, как предлагал Ленин, бойцы Троцкого повреждали электрооборудование, нарушали связь, одним словом, за считанные часы полностью изолировали правительство, и оно, понимая, что оказалось в безвыходном положении, было вынуждено сдаться.

Именно так Лидиг собирался захватить Копенгаген. Из отчета одного из своих агентов он выяснил, что управление датской армией сосредоточено в старинном форте в окрестностях Копенгагена. Если удастся захватить этот форт сразу после начала военных действий, решил Лидиг, тогда можно будет полностью парализовать датскую армию и лишить ее возможности оказывать завоевателям сопротивление. План, предложенный Лидигом, одобрили, и, между прочим, именно так и был «захвачен» Копенгаген.

Ему был нужен только малочисленный контингент солдат для переворота и несколько агентов, чтобы уверить, что ведущие в крепость дороги не заминированы. Лидиг поместил войска в «плавучего троянского коня» – германское грузовое судно, которое спокойно пришло в порт Копенгагена, и никому в голову не пришло, что «груз» судна состоял из немецких штурмовиков, специально обученных для переворота «а-ля Троцкий».

Одно, возможно, ставило под угрозу схему Лидига. Его коллега по абверу, убежденный антинацист полковник Остер, явно не собирался подыгрывать Гитлеру в его экспансии в Скандинавии. 1 апреля, всего за 8 дней до намеченного вторжения в Данию, Остер передал дат-

скому военно-морскому атташе сведения о планах вторжения. Эти же сведения Остер сообщил 4 апреля норвежскому военно-морскому атташе.

Норвежец, скорее всего, не поверил Остеру, ибо даже не стал передавать полученные сведения в Осло. А его датский коллега доложил командованию в Копенгаген о поступивших от Остера сведениях, однако ему тоже не никто не поверил.

9 апреля 1940 года Дания была захвачена немцами, и все произошло в полном соответствии с планами Лидига.

Захватив Копенгаген, немцы завладели, по-видимому, самым главным трофеем кампании – правда, тогда они об этом и не подозревали. Речь идет о лаборатории Копенгагенского университета, руководимой доктором Нильсом Бором, знаменитым физиком и лауреатом Нобелевской премии. Для немцев он был просто одним из «яйцеголовых» – престарелым «ботаником», и они оставили его в покое. Доктор Нильс Бор, со своей стороны, занимался преподавательской работой и спокойно жил, ничем не провоцируя интерес к себе со стороны оккупантов. Но за закрытыми дверями, в полном одиночестве своей частной лаборатории он работал над загадочным проектом, тайне которого суждено будет стоить нацистам миллионы. Он со своими американскими друзьями сотрудничал в рамках программы ядерных исследований. Лаборатория Бора имела особую важность – это была станция на пути к ядерной бомбе, как и другие, существовавшие в Соединенных Штатах и Великобритании аналогичные лаборатории. Работа Нильса Бора на самом деле представляла собой неотъемлемую часть проекта, за исключением, правда, того, что располагалась она за коричневым занавесом и в пределах досягаемости нацистов.

В течение нескольких лет германской оккупации доктор Нильс Бор продолжал свою фантастическую двойную жизнь в науке. Ему в небольших количествах поставляли дейтерий, или тяжелую воду, драгоценные капли которой и обеспечивали продолжение этого исследования. Если бы нацисты узнали об этом, работа Нильса Бора стопроцентно заинтересовала бы их. В целях маскировки ученый хранил тяжелую воду в большой пивной бутылке, которую ставил в холодильник, где обычно держал пиво.

Поскольку работа Бора продвигалась, возникла необходимость вывоза его из Дании. Шел 1943 год. Британская секретная служба организовала его эвакуацию. Ученому велели быть на причале в определенное время с наступлением темноты, где небольшое судно встретит его и переправит в Швецию. Все были буквально в шоке, увидев, как Бор тащит с собой здоровенную бутылку пива. И решили, что этот эксцентрик-ученый пивной алкоголик. В Швеции доктор Бор отправился прямо в лабораторию Нобеля на встречу с доктором Лиз Мейтнер, коллегой, которая уже работала в Швеции, и вручил ей драгоценную бутылку на ответственное хранение. Доктор Мейтнер с удивлением исследовала содержимое, явно не думая о том, что пиво может представлять интерес для их исследований, и горестно воскликнула. Жидкость в бутылке ничем от заурядного пива не отличалась. Дело в том, что в спешке ученый перепутал бутылки и взял из своего холодильника не тяжелую воду, а пиво.

В течение следующих суток эта злосчастная бутылка стала самоцелью разведслужб союзников. Группа подпольщиков-датчан тайком пробралась в опустевший дом Бора, спокойно извлекла из холодильника нужную бутылку и в конце концов без каких-либо осложнений доставила ее профессору Бору в Швецию.

Подпольщики так и не узнали, почему им поручили столь странное задание.

Глава 8

Финал сражения за Европу

Период между разгромом Польши и вторжением в Норвегию один из самых загадочных в истории – месяцы «странной войны». Стоя в сентябре 1939 года на руинах Варшавы, Гитлер, судя по всему, был вполне удовлетворен устроенной им мясорубкой²¹. Но его не покидала мысль – как быть дальше?

Состояние мира и войны были играми, в которые играл Гитлер. 6 октября 1939 года он попытался усадить Англию и Францию за стол мирных переговоров. Но в ответ получил решительное нет. Пытаясь изыскать другие пути замирения с союзниками, Гитлер взвешивал один план за другим, не давая покоя генералитету – генералы каждый раз должны были воплощать его сиюминутные замыслы на картах. «Санфлауэр» – такого названия удостоилась запланированная кампания в Северной Африке, целью которой был Триполи. Целью операции «Альпийская фиалка» была Албания, операция «Феликс» нацеливалась на Гибралтар. Существовал и еще один план – операция «Гельб» – речь шла о захвате Голландии²².

В тот период Берлин буквально кишел разного рода коммивояжерами, готовыми по сходной цене сбывать немцам свои государства – из Голландии, из Бельгии, из Норвегии. Из Голландии пожаловал жирный тип с бегающими глазками – Антон Муссерт. Он был марионеткой абвера – кукловоды сидели в Берлине. Из Бельгии явился лукавый Леон Дегрелль. Незадолго до этого Гитлер предпочел всем оперативным планам операцию «Гельб»; срочно была издана секретная директива № 4402/39, в которой группе армий «Б» генерала фон Бока предписывалось «провести все необходимые приготовления для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, как только этого потребует политическая обстановка». Был определен и день вторжения – 12 ноября 1939 года. Если позволят метеоусловия.

Началу запланированных операций всегда мешали два основных негативных фактора секретной службы – задержка поступления и утечка необходимой информации. Вторжение постоянно откладывалось, а в промежутках вылезали наружу все подробности замысла.

Итальянцы первыми узнали о плане. Очень многие из них, невзирая на союз с Германией, ненавидели нацистов. Военный атташе Италии в Берлине доложил о существовании плана «Гельб» своим бельгийскому и голландскому коллегам (атташе Голландии полковник Сас уже был проинформирован об этом полковником Остером). Из Рима министр иностранных дел Италии граф Чиано также предостерег Бельгию и Голландию. Презрев все риски, один из ведущих оппозиционеров в Германии, министр фон Бюлов, направился в Брюссель и, добившись аудиенции у короля Бельгии Леопольда, предупредил монарха об агрессии. Однако и бельгийцы, и голландцы восприняли предостережения скептически.

Именно тогда произошло нечто экстраординарное. Это событие явно собрало бы воедино все фрагменты сведений о близившейся агрессии. 10 января 1940 года самолет люфтваффе, пилотируемый майором Хёнеманнсом, направлялся в Кёльн. Пилот имел при себе экземпляр плана стратегического развертывания войск группы армий «Б» для вторжения в Бельгию и Голландию. Однако Хёнеманнс понятия не имел о важности документов и поэтому особого значения этому перелету не придал. Во-первых, он прихватил с собой пассажира, германского

²¹ В ходе обороны города погибло 5 тысяч польских солдат и офицеров и 25 тысяч человек гражданского населения, ранено около 16 тысяч военнослужащих и несколько десятков тысяч гражданских лиц.

²² План «Гельб» («желтый» – нем.) предусматривал наступление через Голландию, Бельгию и Люксембург в Северную Францию.

генштабиста; во-вторых, элементарно сбился с курса и в результате приземлился в районе Мехелена на территории Бельгии.

Хёнеманнс и его пассажир, сообразив, где оказались, перепугались и решили сжечь документы. Но поскольку оба были некурящими, спичек у них не оказалось. Тут к самолету подошел какой-то бельгиец. Хёнеманнс тут же попросил у него спичек, и бельгиец дал ему их. Едва Хёнеманнс и генштабист подожгли бумаги, как пожаловал бельгийский патруль. Обоих арестовали. В ходе допроса выяснилось, что майор Хёнеманнс – офицер 7-й парашютной дивизии германских люфтваффе (штаб которой располагался в Берлине), прикомандированный к 220-й авиагруппе, в задачу которой входило организовать переброску 22-й пехотной дивизии к точкам высадки.

Хотя бумаги обгорели, все же бельгийцы их спасли. На трех листах были изложены инструкции 8-му авиакорпусу, достаточно детально описывавшие операцию вторжения в Бельгию и роль десантников в ней. Это была точная копия плана кампании.

Находка обеспокоила бельгийцев, но особой паники не вызвала. Всесторонне изучив документы, они пришли к выводу, что инцидент этот – хитрая уловка немцев, цель которой запугать бельгийцев и заставить Бельгию сохранять нейтралитет в случае конфликтов Германии с Англией или Францией. Не желая осложнений, бельгийцы тут же избавились от непрошенных гостей, выслав их в Германию, вернули немцам самолет, и вопрос был закрыт.

Провал миссии Хёнеманнса в Бельгии в Германии вызвал вполне объяснимую тревогу, что привело к очередному переносу сроков начала операции. Кроме того, германскому Верховному командованию предстояло фундаментально перерабатывать план вторжения.

Разведка союзников тем временем была целиком поглощена фантастическими проектами. Предпринимались попытки предугадать или выяснить боевое построение германской армии, но никто и пальцем не шевельнул, чтобы попытаться выяснить намерения Гитлера, отследить передислокацию германских войск и уже исходя из этого определить направление удара немцев. Пока Германия лихорадочно готовилась к кампании на Западе, разведка союзников, убаюканная якобы отсутствием активности вермахта, пришла к заключению, что Гитлер никак не может принять конкретное решение, чему в немалой степени способствуют разногласия в Верховном командовании вермахта.

Французская Service de Renseignement теперь возглавлялась генералом Риве, блестящим специалистом и опытейшим офицером, но, увы, совершенно незнакомым с определенными вопросами функционирования секретной службы в военное время. Недостатки организации сбивали с толку сотрудников службы. «Если уж быть предельно откровенным, – писал историк Марк Блок, впоследствии офицер запаса разведки, – не раз я задавался вопросом, что из этих путаных мнений было результатом отсутствия необходимого профессионализма и что следствием заурядной лжи. Все начальники отделов разведки жили в состоянии постоянного страха, что, когда последует удар, события начнут развиваться катастрофически, разбивая вдрызг все, в чем они клялись и божились вышестоящему генералу, убеждая того, что, мол, он в чем-то там был «совершенно уверен». Поэтому, быть может, разумнее было бы выложить тому же генералу сразу несколько вариантов? В том числе и не самых безупречных? Хотя бы на тот случай, чтобы все же оставалась возможность сказать: «Но я же вас предупредил!»

Французские офицеры военной разведки пытались взять решение всех вопросов в свои руки, но их усилия саботировались сверху. Например, было установлено обязательное для соблюдения правило: выяснить примерные запасы автомобильного бензина, который французы могли обнаружить в Бельгии в определенных местах на тот случай, если им все же придется пересечь бельгийскую границу и сражаться с немцами на территории этой страны. Бельгийский Генштаб, вдохновленный преданностью короля строгому соблюдению нейтралитета, проявил полное нежелание к сотрудничеству. Французский офицер разведки из 1-й армии генерала Бланшара, прослышав о каком-то непонятном топливном складе, установил контакт с

конфиденциальным осведомителем, который дал ему все нужные данные о емкости резервуаров. Кроме того, человек этот добровольно предложил оставить резервуары заполненными под крышку, если именно это понадобится французскому Генштабу. «Это здорово облегчит вам задачу по снабжению войск ГСМ, – сказал он, – в случае, если у вас возникнут затруднения. И я всегда смогу иметь хотя бы минимум горючего, необходимого для мирной повседневности, и, таким образом, мне не придется оставлять ценные ресурсы немцам. Пусть теперь французский Генштаб решает. Как только я узнаю их решение, предприму все необходимые шаги».

Вопрос был передан на рассмотрение командованию разведки, но начальство заявило: «Наша работа состоит в том, чтобы собирать информацию, а не принимать решения». И наотрез отказалось вообще обсуждать вопрос о ГСМ. Молодой офицер бегал из одного кабинета в другой и везде слышал одно и то же. Тогда этот офицер решил вопрос на своем собственном уровне. Он направил одному из своих контактов закодированное сообщение: «Не заполнять баки», оправдывая свое неповиновение равнодушной рассудительностью. «Полное молчание с нашей стороны, – сказал он, – этот иностранец воспримет как слабоумие наших французских генштабистов. Не очень-то хорошо слышать о себе такое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.